

У ВЪЧНЫХЪ ОГНЕЙ.

I.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

— «Воля ваша, русскія женщины прошлаго поколѣня оправдывали мнѣю многихъ французскихъ писателей, что женщины не что иное, какъ переломъ ребенокъ!»

— «Согласенъ. Зато между вымышленными женщинами дозволенъ союзъ много развѣдось недоросшихъ женщинъ!»

(Изъ послѣдствъ разговора).

Что за прелесть былъ дѣвъ, когда нашъ старенькій, колесный пароходъ „св. Николай“, пыхтя, шлоя и словно захлебываясь на ходу изъ самими избалованнымъ моремъ, подходилъ къ пустынному, выжженному берегу юго-восточнаго Закавказья! Случалось это не теперь, а чуть же тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время пароходство во всей Россіи было еще плохое; на Каспій-же, помнится, только и было два парохода: кувече-

свѣй, „св. Николай“, да псуекскій
вояцкій пароходикъ, огромный, со-
всѣмъ почти безъ каютъ, „Тегеранъ“
по названію. Шли они медленно, въ
хорошую погоду двѣй по семи, по
восьми отъ Астрахани до Баку плыли.
Довольно времени было познакомиться
между собой пассажирамъ, и всѣ мы
такъ хорошо перепознакомились, что
теперь многіе говорили въ виду сло-
рой разлуки. Конечно, длинная, ста-
рая англичанка, путешествовавшая
по Азіи съ трехсаженной яліткою,
въ которой въ разныхъ отдѣленіяхъ
находились двѣ обезьяны, кѣмъ семья
ангорскихъ кошекъ, да три попугая,
ни съ кѣмъ не сошлась и не сошлі-
ла никого, точно также, какъ и се
попугая, да обезьяны, въ которыхъ
мы легко причисляли и се самое.
Она и въ счетъ не шла! Но другіе
всѣ, малые и большіе, столпились у
борта и, глядя на приближавшійся
сѣрый берегъ, на силуэты безплод-
ныхъ горъ и каменныхъ старинныхъ
построекъ съ плоскими крышами и
башнями азіатскаго города, вспоми-
нали прошлую вѣсть подѣлю весе-
ло, но не безъ печальныхъ вздоховъ.

Повествова.. Мы всѣ согласились съ очень юнымъ праворядникомъ (Фиховскимъ „на сей погребельный Кавказъ“) съ неирезкимымъ намбрениемъ, въ первой-же экспедици въ горы, или сложить голову, или захватить самого Шамиля со всѣмъ его штатомъ въ плѣны, — когда онъ продекламировалъ:

... Настоящее уныло..

Все мгновенно, все пройдетъ..

Что пройдетъ — то будетъ мило!"

— Совершенная правда! Это всегда такъ бываетъ, поддержали его нѣсколько голосовъ. И въ доказательство начали заверенно припоминать всѣ эпизоды нашего путешествія.

Кто сѣлъ на пароходъ выше Астрахани, тотъ вспоминалъ чудные берега Волги, бурманцкія пѣсни въ лунныя ночи у костровъ, среди зелени, или на баржахъ, медленно двигающихся на бичевахъ. Другіе со сѣзкомъ вспоминали пѣнь „перемѣ блины камомъ“ при знакомствѣ съ сердитымъ дикаремъ — Каспиемъ. Кто-то въ первый-же день пути обождалъ его непочтительно душой, хоромъ-самозванцемъ, не имѣющимъ права на такой титулъ.

— Дрянные соленое озеро, и больше ничего! сказала обидчивъ.

— А вотъ погодите, какъ оно ужъ раскодется, да начнетъ васъ укачивать, такъ вы его и оклеветайте! замѣтила улыбаясь другой, знакомой съ шалостями дѣдушки-Каспи.

И подслушавъ это старикъ, и расхохотался такъ, что постоянно доказавъ свою мощь. Ужъ онъ качалъ васъ, качалъ, выдыхалъ и подбрасывалъ, и вертелъ, и крутилъ, да такъ-то, что нѣкоторые были уцѣлены, что пришлось нашу послѣднюю часть. Особенно ночь была страшна. Темъ хоть глаза выжили. Цотокъ дождя и волны такъ и захлестывали и заливали палубу. Безпрерывные удары грома заглушали трескъ, скрипъ пархода, бѣготню матросовъ, лязгъ рулевой цѣпи, стоны, вопли и возгласы пассажировъ и даже голосъ капитана, не перестававшаго отдавать приказанія въ громоносный свой руноръ. Что дѣлалось въ каютахъ, о томъ я и говорить не хочу: столпотвореніе вавилонское! Тамъ много было жуткаго и гадкаго, но

ничего грандиознаго. На палубѣ же, когда аршин молнія, словно поволамъ разрывая небо, мгновенно освѣщала и ее синеватымъ, фосфорическимъ свѣтомъ, все, начиная отъ высокой фигуры рудезого у колеса и чернаго слуга въ капотахъ, подобно архангелу Гавриилу оглашавшаго воздухъ трубными звуками, до послѣдняго матроса, безъ усталости работающаго съ разметанными по вѣтру волосами, — все было величественно и картинно. Даже обезьяны уродливой англійчани при этомъ освѣщеніи казались не смѣшны, а страшны. Онъ вѣрно зналъ на невозможность отдыха, или тоже боялся, потому что вижвали, удивлялись за желѣзные прутья клетки, и черны изъ безобразныхъ головы, съ блестящими глазами и злобно оскаленными зубами, мелькавшія при каждой молніи, рѣзательно представлялись мечадіями ада, извергнутомуи бурей духами тьмы, — такъ по крайней - вѣрѣ увидала маленькая нечестивница, Катя Малѣева. Но другая дама, хорошенькая и большая кохотунья, прервала ее и перешла отъ

этих мрачных воспоминаний къ болѣе свѣтлымъ, импрессионнымъ картинкамъ. Она начала мастерски описывать сцены слѣдующаго дня, когда гроза и опасность миновали, но сильнѣйшій вѣтеръ не переставалъ мучить насъ качкой. Сколько было тутъ смѣшныхъ паденій и толчковъ! Она угадала, что двое молодыхъ людей, женихъ и невеста, оставшіе насъ въ Петровскѣ, — разошлись на вѣки изъ-за того, что столкнулись лбами у борта парохода, подбѣжавъ туда въ одно время, во очень неприятной необходимости. Она осмѣяла насмѣшками нашего храбраго прапорщика, убивая его, что все для него кончено, — что вся карьера его погибла, забери онъ въ плѣнъ хоть пилерыхъ Шамилей, потому что онъ, въ минуту сильнѣйшаго страданія морской болѣзью, печально размахнувъ рукой, выбилъ вставные зубы генерала, его вачальника.

— И сейчасъ онъ мнѣ не начальникъ! отшучивался юноша: и къ несчастію, я ему и не думалъ вышибать зубовъ, хотя это было-бы весьма кстати, чтобы помѣшать ему съ

мистрность Лиметъ съѣсть всю пароходную провизию, пока мы всё страдали отсутствиемъ аппетита.

— Да, они вѣдь, за эти два дня, уплали полпуда икры, что вынули изъ калмыцкаго осетра.

— Это еще что за новый сортъ рыбы?.. разспрашивалась веселая дама. Я никогда не слышала о калмыцкихъ осетрахъ.

— Какъ, развѣ вы же издале? Развѣ не знаете?..

И всё наперерывъ начали описывать пресмѣшную сцену, случившуюся въ первый день нашего морского путешествія. Погода еще была съвѣтъ тихая, изморье гладкое, какъ зеркало. Вдругъ издали показались лодочка и—что за диво?—рветъ ее и мечетъ во всё стороны, словно водяной ее подъ дно толкаетъ. Это заинтересовало всѣхъ, и пассажиры и служащіе гурьбой собрались на носу «св. Николая», глядя, какъ бѣдный человекъ, находящійся въ лодочкѣ, едва сдерживаетъ равновѣсіе при крутыхъ поворотахъ и скачкахъ ее.

— Кой чертъ тебя дергаетъ? за-

кричалъ ему капитанъ въ свой рупоръ, еще издали.

Ответа слышно не было, но всё видѣли отчаянныя движенія и умоляющіе жесты бѣднаго рыбака, по которымъ можно было понять, что онъ себя считаетъ въ большой опасности.

Наконецъ, поравняясь съ его танцующей по зеркальной морской поверхности утлой лодкою.

— Что съ тобой, братъ, за прятча?

— Да, господа мои милостивые, купите ны у меня, Христа ради, эту гадину! Космилася рыбакъ, во то она мою душу безпримѣнно загубитъ!..

— Какую гадину, другъ любезный? Душегубку твою, что-ли?..

— Поминайте! Лодка моя нован, славная лодочка: дѣй четвертьмихъ въ Астрахани обомлалася! То-то мнѣ и жалъ еси! пуще себя самого жалко, право. За чтожъ эта животина, что и полутора-то рубля не стоить, проклята, ее топить хочеть?

Бѣдный человекъ чуть не плакалъ, завирнувъ въ своей лодкѣ, которая то и дѣло воду зачерпывала.

— Чтожъ это такое тамъ у тебя?.. Рыба, что-ли?..

— Да оостеръ, калмыцкій, чтобы ему пусто было! воскликнулъ рыбакъ, едва успѣвъ схватиться за бортъ. Живой оонъ привязанъ тутъ у меня, да вотъ и дергаетъ меня во все стороны. У калмыка переналъ я его купи—говорить,—за рубль уступаю, а ты его въ Астрахань, если живанъ доставиши, за пять продашь. Я и польстился, да вотъ и маюсь съ нимъ все утро: никакъ не слажу!

— Такъ чтожь ты его багромъ не вырнешь?

— Да спервоначалу живьемъ думалъ дотащить,—на шкуру польстился; а тутъ какъ началъ онъ меня таскать, чортъ экой калмыцкій! вѣдь краій, да увертливый какой,—чистая бѣда!..—ужь и не могъ одинъ справиться. Того-гляди выверну лодку-то! Сдѣлайте божескую милость, господа милостивые, выньте вы этого калмыка поганого у меня! Я его вамъ дешево уступаю.

Ну, и скалились пассажиры „св. Николая“, надъ нимъ: приостановили парозодъ, шлюпку спустили и вселу-то двое матросовъ съ оострономъ управилась. И уже что это была за

рыба, такъ это на дню! Ни прожде ни послѣ такихъ видѣть мнѣ не удалось. Два съ половиной аршина въ длину и въ обхватъ чуть не аршинъ. Страхъ, что за рыбаца!.. А дали за нее всего на все два рубля, да и то еще по добротѣ сердечной, а то измученный рыбацъ ее-бы и еще дешево отдалъ. Восемнадцать фунтовъ неры въ ней оказалось. Только жаль, что крошкѣ длинноногой англичанки никто ее и не попробовалъ, потому что въ тотъ-же день дядюшка Борей началъ насъ тревать такъ, что всѣ почти съ ногъ свалились.

Потомъ погода утихла и послѣднiе пять дней на морѣ оставали въ нашемъ воспоминанiи много прекрасныхъ картинъ. Живописнѣе всего была наша стоянка у Вирачьей Косы (еще до бури). Съ нами ждалъ одинъ почтенный старикъ съ большой семьей; лицо почетное и, какъ видно, очень уважаемое и любимое кочевыми калмыками, которыми онъ когда-то управлялъ. Теперь генералъ Малбевъ уже много лѣтъ не имѣлъ никакого отношенiя къ калмыцкимъ улусамъ и въ князю Тюменю, по

тѣмъ не менѣе онъ съ большой снотой прѣхалъ встрѣтить старика на Барочью Косу и устроилъ въ честь его цѣлое празднество съ угощеніемъ всѣхъ пассажировъ и капитана парохода. Очень оригинальны были этотъ калмыцкій зиръ на берегу моря, въ виду ихъ кибитокъ, шодъ съвѣю навѣса изъ дорожныхъ шелковыхъ матерій. Всѣ сидѣли на циновкахъ, разостланныхъ прямо на песокъ, и ѣли изъ нестрихъ калмыцкихъ чашекъ, формой очень похожихъ на наши полоскательныя чашки, разные кушанья, которыя, вѣроятно, казались-бы гораздо вкуснѣе, еслибы не страхъ, что все это лошадиное мясо и жеребятина. Князь Тюхень въ яркомъ, дорожномъ шелковомъ халатѣ, въ жемчужныхъ серьгахъ и островерхой шапочкѣ, опушенной мѣхомъ, изъ-подъ которой ему на плечи падало множество жемчужныхъ бусъ, черныхъ какъ смоль, сидѣлъ на корточкахъ передъ почетнымъ гостемъ и неустанно угощалъ его. Высокій служитель въ такомъ-же нарядѣ, только попроще и съ бѣлыми раковинами въ ушахъ, вѣдетъ серегъ, обносила гостей хумсомъ въ

серебряной кушнѣ. Передъ нами
растлалась безконечная зѣба мор-
ская, огненная на солнцѣ лазурно,
зеленыи и золотомъ, и между бере-
гомъ и чернѣвшими въ волверестѣ
пароходомъ то и дѣло шныряли ма-
ленькія лодки съ серебряными па-
русамъ и веслами, мѣрно сплавшими
по обѣ стороны брѣвнятами, подъ
ловкими ударами калмычекъ въ ар-
кахъ халатахъ и блестящихъ украше-
ніяхъ...

А утра-то раннѣе, какъ хороши
были на морѣ пейзажи! Катя Ма-
дѣва, и мамъ всѣмъ представилась
звѣчная картина. Въ глазахъ ничего,
кромя безконечной, подвижной пеле-
ны воды, да снѣговой голубой лазу-
ри надъ головами. Все ярче и ярче
переливается море, все свѣтлѣе бли-
стаетъ небо, пока востокъ не заго-
рится весь какъ-бы въ огнѣ, морская
раба не вспыхнетъ пурпурожкини
и другъ изъ-за нея пропланетъ ослѣ-
пительный краешекъ солнца и ника-
тителъ оно во всемъ величїи, все заж-
галъ и окрашивалъ безконечными пере-
ливками свѣта. Тутъ-то и всколыхнется
море тысячами-тысячи живыхъ созда-

цій, обрадованихъ отъ возвращеніемъ солнца. Волны то и дѣло раскатыются безчисленными рыбами, поднимающимися изъ морской глубины. Оніѣ желаютъ, какъ блестящія молвійки, и въ ту-же секунду исчезаютъ; но глупые толпы храбрѣ ихъ; оны подолгу выставляютъ блестящія бѣлая голова изъ воды и даже уставляютъ на пародѣ свои выпученные глаза, словно удивляясь, что это за штука такая пыхтитъ и шумитъ, и откуда она попала въ ихъ пародѣ?

Но вотъ и берегъ совсѣмъ близко. Теперь не до воспоминаній, — надо готовиться оставить пародѣ. Всѣ прощаются, жмутъ другъ другу руки, кое-гдѣ раздаются даже женскіе вопліи. Все суетится, волнуется. Раздаются вопліи удивленія жертвому виду города, опасенія за будущее путешествіе тѣхъ, кому предстоитъ продолжать его, и горестнаго разочарованія будущихъ обитателей Баку. Дѣйствительно, видъ бѣднаго амтскаго городка скученъ и безотраденъ. Это какая-то груда сѣрыхъ, пыльных развалинъ, съ громадной башней въ срединѣ. Она одна подается изъ дали;

остальными востройки линался по обеим сторонам, как плоские муравейники на фоне невысоких, желтых горь. Нигдѣ ни зелени, ни вострой крыши, на которыхъ могъ-бы отдохнуть взоръ отъ скучнаго однообразія камня да глины...

— А это что за дымъ направо, вдали?.. Горить, что-ли что? спросила высокая молодая женщина, старшая дочь Малѣева, недовольнымъ голосомъ. Она недавно проводила своего мужа въ экспедицію и потому всю дорогу была не въ духѣ.

Говоря это, Троицова указывала на нѣсколько столбовъ сизаго дыма, поднимавшихся вправо, на городомъ.

— А это вѣчные огни, пояснили ей. Тамъ жители обжигаютъ кирпичи и известку дровянымъ матеріаломъ, — газомъ, выходящимъ прямо изъ грунта.

— Ахъ! Мы непременно туда подемъ! раздалась восклицанія. Вѣчные огни! А скажите, есть еще тамъ эти огневоклопники-индѣйцы?

— Какъ-же! Нѣсколько колонійхъ... Это очень интересное мѣсто.

— Жаль только, что такое богатст-

ю, какъ эти неиссякаемые нефтяные источники, пропадаютъ даромъ.

— Неужели нефть совсемъ не добываютъ?

— Нѣтъ. Пока нѣтъ ни одного промышленника, который-бы занялся этимъ дѣломъ серьезно. Такъ во мелочамъ, на домашнія свои потребности, жители ея пользуются. Но въ торговлю она почти не идетъ.

— А правда, что здѣсь изъ моря нефтяные газы такъ сильно бьютъ, что можно зажечь ихъ и они горятъ на морской поверхности?

— Говорятъ. Но намъ самимъ не удавалось видѣть. Мы здѣсь долго не остаемся.

— Да чего тутъ оставаться? Пои-
дуйте! Въ такомъ мѣстѣ съ тоски
помрешь. Здѣсь и начальство-то уба-
дое мѣняется безпрестанно; кромѣ то-
го, что скука, да еще климатъ отарати-
тельный: жара, пыль, вѣтры страшные!..
Засуха такая, что всѣ посѣвы выжи-
гаютъ; вотъ какъ видите: сушь и го-
рячій вѣтеръ всю весну и лѣто почти
сплошь. Оттого и не растетъ ничего;
дальше къ губернскому городу, къ
Шемахѣ, мѣста плодородныя; а здѣсь

и́нший голодъ. Ничего не работаю. А чѣмъ край богатъ—тому сбыта нѣтъ вещей. Бѣдность голода!

— Вотъ такъ хижаки Кавказа!

— Ну! развѣ это Кавказъ? Это споры Персія. По Баку судить о Кавказѣ и Грузинъ нельзя!

— А кажи тутъ грижа осенью да зимой зато бывають—страсти!.. Особенно коняе, въ Ленкорани. Господи Твои воли, что это за волососальница, невылазные болота. Случалось вѣднѣмъ караванамъ въ здѣшнихъ грижахъ ги-бнуть.

— Да! Особенно, какъ задуесть сѣверный вѣтеръ, да докраго тебя всего до костей проникать, а ты ни-туру, ни-ну!—съ мѣста ни верхомъ, ни пѣшкомъ двинуться не можешь; въ грижи закопанный, какъ муха какая. Этого порда всѣ здѣсь боятся.

— Ну, порда зимою страшенъ: какъ заметишь новую зиму дня на три, на четыре снѣгомъ всѣ улицы, да закроеть ихъ всѣ ходы и выходы до самыхъ плоскихъ ихъ крышъ, такъ бѣдняки, пока оттаять, и съ холоду и съ голоду помереть успеють!

— Господи! что имъ за ужасы раз-
вѣдѣ и зимнопоголомъ стоить дѣлать!

визомъ, жившимся за генераломъ Магденумъ и семьей его. Они приготовлять имъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, такъ-какъ въ городѣ положительно не было ни одного сколько-нибудь сноснаго дома, а о гостиницахъ или самомъ простомъ трактирѣ никто и помысла не имѣлъ. На базарной площади былъ караванъ-сарай, старое четырехугольное, громадное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ, куда спознались всѣ товары, — дворомъ, полнымъ тюковъ, верблюдовъ и неизобразимой грязи и юны. Въ этомъ караванъ-сарай было, правда, нѣсколько голыхъ, заросшихъ соромъ, грязью и паутинами комнатъ, безъ мебели разумѣется, съ кирпичными полами и окнами безъ всякихъ признаковъ стеколъ, ни даже рамъ. Въ этихъ азіатскихъ прютахъ для утомленныхъ путешественниковъ обыкновенно оставались погонщики верблюдовъ, татары-фургошники, перевозившіе товаръ, да угольщики, которымъ было, жокеть-быть, очень удобно спать раскинувшись на полу подъ замызаніе сквозного вѣтра, свободно гулявшаго съ воємъ и свистомъ

по этики вертепамъ вселенской нечистоты. Другого-же рода дутышкамъ, не имѣвшимъ знакомыхъ въ Баку, предстало горе великое въ этомъ негостеприимномъ городѣ.

Квартира уѣднаго начальника, въ величайшему удивленію Малѣновыхъ, оказалась именно внутри той огромной башни, которая издали бросалась въ глаза пассажирамъ парохода. Узенькая полоска берега, отдѣлявшая башню отъ моря, съ вершины ея совершенно не была видна, такъ-что изъ верхняго этажа казалось, что волны омываютъ подножіе. Высота была огромная. У Кати закружилась голова, когда она перекрестилась въ окно; а когда послѣ обѣда уѣднѣй начальникъ предложилъ желающимъ прогуляться по крышамъ, она, войдя на верхъ башни, рѣшительно боялась подойти къ краю ея. Катя была дѣвочка лѣтъ четырнадцати, высокая и развитая умственно не по лѣтамъ, но довольно слабого здоровья и ужасно мечтательная, романтическая головка. Старшая сестра и меньшія дѣти часто сѣкались надъ нею и увѣряли, что Катя имѣетъ такую способность

на коду задумываться, да, потеря сознания, что когда-нибудь, того гляди, такъ и озоветъ, — съ одной стороны стоить обратиться.

Очень интересное и оригинальное совершили она путешествие; она обошла почти весь город Баку поверху, т. е. по его крышамъ. Съ одной на другую земляную кровлю; съ террасы мечети на крышу караванъ-сарая; оттуда по балконамъ, по разнымъ ходамъ и переходамъ, во всю по всей плоской крыше сидела. Такимъ образомъ была обойдена несколько кварталовъ. Городъ и сверху казался какой-то мертвымъ, почти пустой. Только по дворамъ караванъ-сарая да товарныхъ складовъ жизнь проявлялась; слышались крики персина, разговаривавшихъ верблюдовъ, перебранки извозчиковъ-молочанъ съ фургощиками-татарами, черкешани голы дѣтя, съ ярко-оранжевыми головами, орававшими хрипой, гласавшая на суету, заклики, чрезвычайно напугавъ, выходивъ изъ Россіи, по вѣсть и пугали ихъ. Да, немудрено было испугаться этихъ желто-бурыхъ бритыхъ или крашеныхъ дикарей съ

блистательными глазами и зубами, сверкавшими близостью. Все движения молодых людей были быстры и ловки, но угловаты. Старики только выступали медленно и говорили съ тихим достоинством. Старики — мусульмане почти всегда заптиши и даже часто поражают своей величественной осанкой. Другіе кварталы были тихи и пустыни. Женщияь почти не видно. Рѣдко мелькала кльччатая чадра согнувшейся, надъ тяжестью кушина съ водою, татарки, или въ глубинѣ двора показывалась фигура старухи, сгорбленной надъ пращей или ткацкихъ станковъ. Бакиселія — женщина по этой части мастерица: оубъ ткать превосходныя по добротѣ, пестрыя шелковыя и шерстяныя матеріи, которыя вѣтъ заносу. Они хорошо обиваютъ мебель; есть дома, гдѣ по традиціи айтѣ уже висятъ портьеры и закатаны изъ джиджики, несколько не теряя своей добротности и свѣжести красокъ.

Только теперь эта матерія сдѣлалась невозможно дорога, тогда какъ въ тѣ времена, напротивъ, поразала дешевизной.

Наша путешественники со своимъ проводникомъ, рыже-бородымъ татаринкомъ, переводчикомъ уѣднаго начальника, вернулись послѣ заката солнца. На крышѣ башни, служившей маякомъ, уже былъ зажженъ огонь, а вокругъ все ослѣщено фонарями. Предупредительный хозяинъ тѣшилъ своихъ гостей угощеніемъ въ восточномъ вкусѣ. На верку башни были разстланы ковры и циновки, разставлены фрукты, варенья, чай и всѣ должны были сидѣть безъ стульевъ, прямо на коврахъ. Исключеніе было допущено только въ пользу Магъена и жены его, которые никакъ не могли сразу усесть себѣ туземную позу.

— Ужъ вы кнѣ разрешите сидѣть до-христиански, съѣлся просилъ старикъ уѣднаго начальника. А то для меня все удовольствіе этого славнаго озера испортится! Посмотрите, дѣти, какое море красивое.

И въ самомъ дѣлѣ вечеръ былъ прекрасный и видъ съ башни чудо какъ хорошъ! Неоглаженое море еще было окрашено пурпуромъ и золотомъ заката, а по другую его сторону, на

блѣдною востокъ, ужь вылилась
вспола, прозрачная луна и сере-
брястый столбъ ея отраженіе тихо
колебался на волнахъ, борась съ пре-
лыми красками, отбрасываемыми на
нихъ западомъ. Касній слово при-
рабѣла въ уборъ изъ расплавленныхъ
драгоценностей, на фонѣ принхъ об-
лаковъ, и невнятный городишка,
эта груда сбрыхъ камней и выжжен-
ной глины, ужь не казался такимъ
некрасивымъ. Надъ нимъ, помимо
замыгавшихся свѣтъ небесныхъ,
еще блистали деревенный крестъ и
золоченая луна на шассономъ мина-
ретѣ, съ котораго давно ужь разда-
вался монотонный, плачевный голосъ
музыки. И вдругъ, словно въ ривантѣ
къ нему, радилось тихое бряцанье
струнъ — и заунывная горловая пѣснь
саидара полнлась, переливалась и
замирая въ теплохъ лѣтнемъ су-
мракѣ...

Это тоже была любовь моя. Едва-ли онъ не выискалъ нарочно
для своего вѣтера этого мѣстнаго пѣвца,
потому что саидары рѣдки въ горо-
дахъ, населенныхъ по преимуществу
мусульманами. Тѣмъ не менѣе, саид-

даръ этотъ прекрасно зналъ свое дѣло. Онъ сидѣлъ на землѣ поодаль отъ общества, обѣлъ на собственныя выдѣла, въ очень нездоровой позѣ, обильной этикъ господствъ, и интеллигенту странно по глазъ, старался казаться сѣдыми, что, какъ известно, со времязъ блаженной памяти пѣвца Иліады, составляетъ почти-что обязательный атрибутъ истинныхъ его послѣдователей на Востоку. Малѣны тотчасъ-же окружили везиданную диконинку. Сажандаръ браничалъ довольно благозвучно на своей длинношей "балалайкѣ" съ треугольнымъ дномъ, и, выкатывая бѣлки, весь сотрясался въ разжѣръ своимъ безконечнымъ горловымъ руладамъ. Горловый голосъ его и тоскливый напѣвъ болѣзненно поддѣлывали на старшую, замужнюю дочь Малѣны. Она тоже была очень молода и недурна собою, какъ и меньшая сестра ея, но гораздо стройнѣе и выше. И сказала уже, что она недавно разсталась съ мужемъ: онъ отправился въ дѣйствующій отрядъ, выдвинувшись въ Дербентъ. Полковникъ Тролоновъ былъ старый канказецъ, но женился въ Россіи и низавѣ

не могъ, какъ ни старался, приучить жену смотрѣть хладнокровно на прищипное ему дѣло—войну съ герцами. По желанію мужа, она поѣхала съ родными въ Тифлисъ, но такъ боялась за него и тосковала, что совсѣмъ разстроила себя нервы.

Мать ея, еще не старая женщина, съ необыкновенно пріятнымъ и умнымъ лицомъ, незамѣтно подошла и спросила ее на ухо:

— Кажется, нашъ хонинъ оказалъ тебѣ медвѣжью услугу, моя милая?

— Да... У меня цѣлый день голова болитъ; а отъ этого пѣнія какъ-то непріятно сжимаетъ въ горлѣ, отъбывала Марья Алексѣвна, съ трудомъ сдерживая слезы.

— Понятно! согласилась Малѣва; у меня самой сердце сжимается: онъ ужасно дѣйствуетъ на нервы!

И взявъ дочь подъ руку, она незамѣтно сошла съ нею внизъ. Катя, между тѣмъ, ужасно заинтересовалась разговоромъ и пожелала узнать, что и кого онъ воспѣваетъ? Оказалось, что это цѣлая баллада о добродѣтеляхъ и подвигахъ принцессы, выстроившей, въ свои грѣхена, эту самую

башне только за тѣмъ, чтобъ съ высоты ея броситься въ море отъ ненависти ей жениха. Такъ же и зовутъ дѣвчюью башней.

— Позно тебѣ разспрашивать, Катя! свѣдалсе надъ дочерью Магѣевъ: разсчиташься, такъ, пожалуй, ночи не доспишь, а завтра намъ предстоитъ цѣлое путешествіе.

На слѣдующій день наняли швейцарца-волокана, чтобъ ѣхать поспозтрѣть оныя горы. Пути всего версты восемнадцати, но по тогдашнимъ дорогамъ они стоили добрыхъ сорокъ; приходилось даже въ бродъ переѣзжать два озера: одно названное, водное, а другое, образованное изъ нефти. Вобаламученкамъ колесами и лошадьми, черная, возмучая тина испортила весь эффектъ переезда черезъ „расплавленный литаръ“, какъ называли дѣти эту фотографовую лужу, дѣйствительно издали отливавшую золотомъ и литаремъ, но въблизи ниолнѣ оправдывающую последицу, что не все то золото, что блеститъ.

Магѣевы нарочно поѣхали послѣ обѣда, чтобъ видѣть огни ночью;

днемъ онъ, разумеется, не такъ эффек-
 тны. Каплице индуземъ-огнеокаменни-
 ковъ, въ то время, было угрозило
 не совсемъ правильнымъ четырех-
 угольнымъ, возведеннымъ изъ мас-
 сивныхъ и высокихъ стѣнъ съ закруг-
 ленными зубцами. Еще издали броса-
 лось въ глаза эти каменные, ярко
 выбливаемые, пылающія огненными
 языками стѣны, среди споро-желтого-
 той, пустынной равнины, кое-гдѣ по-
 дернутой лужами нефти съ черными
 берегами, словно дегтею пропитан-
 ными. Надъ тяжелымъ входомъ воз-
 вышался второй этажъ; тамъ были
 комнаты для принимающихъ лечит-
 ся минеральной водой, которая нахо-
 дилась въ колодецѣ волеѣ каплица; а
 въ другой стѣнѣ, напротивъ, возвы-
 шалась широкая труба, вѣчно извер-
 гавшая пламя. Съ внутренней стороны
 въ этомъ стѣнѣ были плотно при-
 лѣжены, такъ-же какъ опѣ, ярко-бѣ-
 лые мажаны, словно крытый и выбли-
 ленный известкой корридоръ. Въ немъ-
 то и упались земля индуземъ. По
 четыремъ угламъ пространнаго двора
 тоже стренилось пламя изъ глина-
 ныхъ тубъ, а посреди его возвышал-

ся храмъ или колоновѣня, такъ-же въ подѣ сведомѣ его висѣли колокола. Это просто четырехугольный выфрезеный павильонъ съ конусообразной, ослѣдъ-таки глиняной крышей, на которой укрѣпленъ былъ желѣзный трезубецъ. Изъ-подъ угловъ крыши вылеталъ горящій галь, который арно горѣлъ и въ срединѣ храма, въ углубленн, сдѣланномъ въ его каменномъ полу, какъ разъ подѣ колоколами. Кельи были раздѣлены на два отдѣленія, впрочемъ, старыя для жилья и для совершенія богослуженій. Въ послѣднемъ во всѣхъ кельяхъ находились конвышенія, — нѣчто въ родѣ глиняныхъ лѣсковъ съ желѣзными ступеньками, на которыхъ въ видѣ святыхъ стояла разная драги: раковины, камни, слоновья бронзовая фигурка отъ старыхъ поденѣтничковъ или прескелье, чашки, курильницы и музыкальные инструменты, въ родѣ цинбаль и нѣднихъ рожковъ. Въ одной кельѣ нашлись даже двѣ иконы, повертываемыя русскими солдатами, а въ другой лежала слоновья пафельница и бронзовое изображеніе крилатаго Амура, которое хранили

калы почему-то упорно называли Ауромомъ. Какое сходство между премудрый индусъ между павсаливымъ словомъ богини любви и еврейскихъ патриарховъ? — определить очень трудно. Мелочи эти, конечно, были смѣшны; но въ общемъ индусское капище и богослуженіе ихъ производили чрезвычайно градивное впечатлѣніе, въ тѣ далекіе годы.

Смеркалось, когда Малѣны подходили къ капищу, казанному издали какими-то адомъ въ иниаторѣ: со всѣхъ крышъ, угловъ, ажбатуръ и зубцовъ пламя вырывалось вихрами, дивное огненными языками стѣли и столбы и, казалось, сторожило всѣ входы и выходы святилища бога огня, готовое воспотить дерзновенныхъ, не признающихъ его священнои силы.

Войдя въ главные ворота, они остановились, пораженные зрѣлищемъ еще болѣе удивительнымъ.

Въ ярко-блужахъ храмъ, вокругъ возставшаго, будто-бы изъ самихъ пѣдръ земныхъ, високаго пламени, стояло человѣкъ до десяти красно-бурыхъ скелетовъ, еле прикрытыхъ тряпками, въ самихъ не натураль-

ныхъ востокъ. Нѣкоторые подвигли руки вверхъ; другіе сидѣли на корточкахъ, закинувъ голову назадъ; кто приходился на цыпочки и весь вытянулся въ струнку; кто извернувшись въбокъ тѣломъ, словно готовясь вылезти изъ собственной коричневой кожи. Однѣ даже стояли на одной ногѣ, поднимая другую въ видѣ изображенія бога Меркурія.

Все это стояло неподвижно, насушившись, съ сознаніемъ собственного величія и несохитимыхъ заслугъ; а колеблющаяся пламя бросало отъ всѣхъ этихъ уродливыхъ фигуръ длинные, безобразныя тѣни, которыя, веро-бѣтно и желтая по бѣлому фону пола и стѣнъ, казались какими-то тапчущими вокругъ нихъ духами тьмы, черными демонами, вызванными изъ пѣдръ этой бѣлой, ярко сияющей земли.

— Господи! Какъ это ужасно и криво! Какъ красно! прошептала Катя, легко проникавшаяся благоговѣннымъ трепетомъ восторга. Но жене впечатлительная старшая сестра ея никакъ не захотѣла ознакомиться съ послѣднимъ эпитетомъ.

— Ты знаешь, что я съ твоей теоріей красоты въ безобразіи не согласна, сказала она. Боже, Твоя воля! Что это за уроды!.. Посмотри на этого длиннаго съ вытянутой шеей и заплетенной волосъ, уложенной на затылок!.. Или на того съ черной, волнистой бородою чуть не до патокъ. А то вошь еще, зубы осмалыгъ.. Господи! Развѣ-жь это люди? Настоящіе духи тьмы, поклонники цари ада, со всѣми его силами и полчищемъ. Отаратительнице!..

— Дѣйствительно, некрасивы!.. Это они своего бога—огонь чествуютъ такимъ образомъ, раскаливаль уѣздный начальникъ. Некоторые даже дуютъ обѣи стоять такъ постоянно всю жизнь..

— Всю жизнь!? Да развѣ это возможно.

— Разумѣется, невозможно. Просто морочать людей.

— Почему-же морочать? вступалась Катя. Можетъ быть, они искренно даютъ обѣи и стараются ихъ исполнить.

— Какіе ты пустяки говоришь! замѣтила ей мать. Да они и часа

такъ не могутъ выстоять. Попробуй-ка простоять больше десяти минутъ вотъ такъ,—журназемъ! увидела она на стоявшаго на одной ногѣ нидуса, в минуты не выстоялъ, свалился!

— Я свалюсь, а онъ сильнѣе. Видите, какъ долго стоитъ, приставляла Катя.

— Вскликъ свалился! сердито вскричала сестра ей.

Она по случаю ранаки съ мужежъ была въ постоянномъ раздраженіи.

— Уйдите, пожалуйста, маленька, ну что смотреть на этихъ обезьянъ?..

— Эти нидійцы, дѣйствительно, такъ себя приучаютъ, что долго, по часамъ, могутъ сохранить неподвижность, сказала убавицѣй начальникъ. Мы разъ ихъ испытывали: часа три впродѣли на нихъ глаза не отдыхаютъ-ли? Нѣтъ,—не шевелились даже! Наконецъ, намъ надоѣло и мы перае бросили. А огонь они, дѣйствительно, почитаютъ божествомъ. Вѣрять, что все живущее порождено огнемъ и должно къ нему вернуться. Потому они послѣ смерти всегда сжигаются...

— Какъ скитается?.. Изучилась
мелкая Малбеса.

— Да такъ-съ, дѣйствительно! Ед-
ва одинъ упреть, остальные его под-
вѣшиваютъ вотъ тутъ, надъ глав-
нымъ пламенемъ, подъ колоколени
сазныи и до-тѣхъ-поръ его ковать,
какъ спящей оворохъ, пока трупъ не
истлѣетъ. Дѣйствительно!

— Что-жъ! это очень последова-
тельно, сивналъ Малбесъ.

А Катя, недовольная тривиальной
рѣчью уѣданаго начальника «о мате-
риалхъ заннхъ», — подумала, что это
„дѣйствительно“, какъ они прозва-
ли своего хозяина, замѣтить слабость
его къ этому слову, провесносный! И
не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни
о познѣ, ни даже о прилечіи.

Она остановилась въ некоторомъ
отдаленіи отъ другихъ, заправивших-
ся въ кальякъ, и смотрѣла присталь-
но на эту оригинальную картину,
фантазируя, по обыкновенію, на ты-
сячу ладовъ, какъ вдругъ странный,
рѣзкій звукъ заставилъ ее издрогнуть
и оглянуться.

У входа въ одну изъ великъ стоялъ
высокій старикъ-индусъ и трубаль

въ огромную раковину. Это они съезжали собратій своихъ на богослуженіе. Его длинная, корячневая фигура, осыпленная со всѣхъ сторонъ колебавшимся пламенемъ; худыя, голыя ноги; вострый войлокъ, брошенный въ видѣ мантии на голое тѣло; сѣдая борода и сѣдые волосы, падавшіе на плечи изъ - подъ высокой бѣлой шапки, сложенной въ видѣ сахарной головы и нещепренной какими-то кабалестическими знаками, — резко отдѣлялись на бѣломъ фонѣ стѣны и выражали своей оригинальностью. Протрубили три раза, надійскій жрецъ, согнувшись, вошелъ въ низенькія дѣра. За нимъ вошли и Малъбенъ, потомъ нѣсколько огнепоклонниковъ.

Келья была низкая и тѣсная и подобно всѣмъ постройкамъ сложна оштукатурена, съ потолкомъ и поломъ, известной. Всѣ развѣстались, какъ могли, установивъ впереди дѣтей.

Надусъ съ остроконечномъ колпакѣ то зажигалъ нѣсколько проводниковъ газа, устроенныхъ вдоль священной дѣстячки, покрытой шелковымъ покровомъ и застеленной разной дрянью; то тушилъ его, задуванъ,

а иногда бризгала въ вама водой, переливая ее изъ чашки въ чашку. Бода послѣ этого считалась священной. При этомъ онъ и два его помощника шли речитативомъ молитвы на своемъ фарсіекомъ языкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ советъ молодой женщины, въ бѣлой чалмѣ, въ-падъ которой видѣлись черни, туго сплетенныя косы, уложенныя завитушками на плечахъ, совершенно какъ носили въ то время многіе пожеланя женщины. Меньшіе Мальсы, особенно мальчикъ лѣтъ десяти, Сама, никакъ не могли съ собой совладать, — такъ смѣшны имъ казались эти косы, уложенныя по модѣ.

— Точно у мамы, когда она въ парадѣ — фирман, шептала мальчикъ своей хельшой сестренкѣ. Та, впрочемъ, не раздѣляла его смѣшливости; она смотрѣла на все широко открытыми отъ удивленія глазами и не выпускала руки матери. Ей было немножко страшно.

Индусы продолжали пѣть, аккомпанируя себѣ брадшигъ металлическихъ тарелокъ, въ рядѣ тѣхъ, что бывають у нашихъ пѣсенниковъ,

и звономъ небольшихъ колокольчиковъ, надѣтыхъ на пальцы ремешками, какъ касташеты. Среди неонатныхъ молитвъ, вдругъ слышались крики, стовавшихъ были пораженъ законными словами: то были исковерканные титулы и имена царской фамилии.

— Эктепю воюте, замѣтилъ убаданный начальникъ.

Послѣ этого старый жрецъ окропилъ своихъ единоверцевъ водой, которой творилъ колѣнія на священный огонь, а младшіе начали на металлическихъ тарелкахъ разносить бѣлый и розовый леденцовый сахаръ, разбитый на мелкіе кусочки.

Тѣмъ и кончилось богослуженіе окрестоконниковъ, но не всѣ зрѣлища „бичныхъ огней“ того времени, теперь почти исчезнувшія.

Маленькихъ повели смотрѣть минеральный колодезь и омыжжой.

Въ минеральности находилась колодезь сѣрая вода, какъ говорили имъ, очень цѣлительная. Но кромѣ этихъ заслугъ, колодезь еще доставлялъ путешественникамъ сюрпризъ весьма оригинальный. Однажды изъ индѣевъ открылъ его плотво буркой,

так-что мигнуть съ пять галу, Азъ него выходяшему, откуда было выйти. Въ это время принесли дѣлую скалку стениаго бурьяну, подожгли ее и въ то время какъ одна сдерживала бурку, другой быстро бросить въ колодезь воспламененный бурьянъ.

Въ ту-же секунду въ весь раздался громкій грохотъ, и крикъ, подобный пушечному выстрѣлу, заставилъ всѣхъ невольно надронуть; комокъ горящаго бурьяна взлетѣлъ высоко въ воздухъ. Маленькая Леля такъ и бросилась къ матери, вся дрожа. Она рѣшительно начинала бояться, что попала къ колдункѣ, въ сказочное царство царя Кащея. Индусы, въ самомъ дѣлѣ, были похожи на Кащескихъ безсмертныхъ. Магъева начинала раскапаться даже, что привезла меньшую дочь съ собою.

— А не угодно-ли нашему пресоходительству теперь взглянуть на наше адъ крошечный? любезно предложитъ убадный начальникъ, улыбаясь собственной остротѣ. Пожалуйста!

— Куда это еще? Не довольно-ли

будетъ съ насъ страховъ? — оспидожна-
са, схѣлась, генераль.

— Да, я думаю, что мнѣ съ Лелей
лучше остаться здѣсь, согласилась
его жена. Будетъ съ нею зрѣлищъ!
Боюсь, какъ-бы она потомъ бредить
не стала этими пугалами.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка! протесто-
вала Леля. Я не боюсь! Пойдите, по-
жалуйста.

Огненный колодезь ослышавъ, въ са-
момъ дѣлѣ, похожъ на преддверіе ада.
Это была яма въ сажень длиною, обне-
сенная толстой глиняной стѣною. Въ
глубинѣ ея все переливалось и кипѣло,
и раскаленная земля пестрѣлась, сло-
вно лава на днѣ кратера, передъ самымъ
изверженіемъ. По желѣзному дву
вались и ползали красныя, огненные
звѣйки; то исчезали, то снова загора-
лись, онѣ уходили куда-то въ стороны,
въ боковыя углубленія, которыя уда-
лялись подобно подземнымъ галлере-
ямъ. Изъ этихъ, зловѣще чернѣ-
вшихъ корридоровъ, вдругъ вырыва-
лись разноцвѣтные огни: то проносил-
ось зеленое пламя и исчезало въ
противоположной пустотѣ, то одинъ
за другимъ со всѣхъ сторонъ летали

бѣлые, голубые, красныя огоньки и, слившись въ одно яркое пламя, сообщали дню колодца какъ-бы бенгальскій огонь.

— Что это такое? въ изумленіи вскричали пораженные этимъ зрѣлищемъ путешественники. Это какой-то вѣтний подземный фейерверкъ! Неужели это такъ постоянно?

— Иногда игра огня уменьшается, нѣтъ такого разнообразія цвѣтовъ; но движеніе этой огненной массы постоянное, отбѣчали имъ.

— Господи, какъ это страшно! Богъ ужъ я-бы ни за что не хотѣла здѣсь жить, сказала Мальева, отодвигаясь отъ колодца и съ трудомъ отрывая отъ него Лелю.

— А не бываетъ здѣсь изверженій? спросилъ Мальева.

— При мнѣ не случалось, отбѣчалъ убадчивый начальникъ. А вотъ что одинъ изъ этихъ чучель, указавъ ему на видусовъ, въ припадкѣ воступленія, туда бросился, такъ это действительно правда.

— Туда?! Завѣль? въ ужасѣ вскричали сестры.

— А захотѣлъ своему богу, изво-

лите-ли видѣть, прислужиться! какъ же! въ святые попастъ задумалъ и бросился.

— Въ самое лого своего божества попалъ! замѣтилъ Магбэнъ.

— Ахъ! папа, какъ ты можешь смѣяться? укоризненно сказала Катя.

— А чтожь, дружокъ мой? Завѣкъ пошелъ—то и нашель. Чего-жь его жалѣть?..

— И жукели ничто не попробовалъ его спасти?

— Куди-жь тутъ?.. Какое спасеніе?.. Позилуйте! Да его въ одну секунду, в духаю, испепелило.

— Что за безуміе!.. Какой ужасный фанатизмъ.

— На то они и индѣицы. Сгорѣть, пожалуй, легче, чѣмъ быть раздавленнымъ колесницею Брами, а у себя на родицѣ они десятками бросаются подъ колеса идла.

— Да туда ишь и дорога! объявить самымъ безопаснымъ голосомъ убѣднѣй начальникнвъ. Какая отъ нихъ польза?.. Разнѣ это люди? Еслибъ они были хрестіане, ну тогда действительно...

Катя опять бросила на него пре-

зрительный взгляд и, взмурлычав брови, начала усиленно смотреть в колодезь.

В нем так и бурлила и кипела огненная масса и красные струйки лезлаи, называясь, стѣнки кратера, стремясь въверхъ, словно стараюсь достичь до неба...

Удушливые газы горько обдавали худенькое личико дѣвочки; а клубы разноцвѣтнаго пламени, то и дѣло вылетавшіе изъ тайниковъ бездны, ослѣпляли ее, мгновенно вспыхивая въ ея темныхъ расширенныхъ зрачкахъ, окрашивая ея лобъ и щечи мимолетнымъ румянцемъ. Она смотрѣла въ пустое пространство, а ей представлялся въ немъ образъ несчастнаго огнепоклонника. Она видѣла его свернутое отъ боли, извивавшееся въ послѣднихъ судорогахъ тѣло; старалась постигнуть послѣднія ощущенія, предсмертнаго мысля и все прѣстальнѣе и вопросительнѣе вслѣдывалась въ бездну, таинственно колоко-тавшую, какъ расплавленное желѣзо.

И вдругъ ей представилась цѣлая сказка. Этотъ огонь не жжетъ дофривно предназначеннаго ему върнато его

обожателя. Онъ имѣлъ силу отдаться во власть своего, безжалостнаго къ другимъ, божества и оно пощадило его... Оно приняло его въ свои объятия... Мгновеніе — и вѣрный рабъ его опутался въ земныхъ предѣлахъ, въ страданій и горя! Тамъ ему вдругъ открылся чудный, сказочный подземный міръ: рѣки лилаго золота, гроты, сіяющіе брилліантами, деревья съ изумрудными листьями и рубиновыми плодами...

Мы гномы. Цари мы земной глубины, бранными.

Мы счастливы! веселы! вольны!

Счастливы, когда-бъ также люди могли.

Всегда жить богаты, довольны!

вспомнилась ей пѣсенка гномовъ, въ прелестныхъ сказкахъ Рибепала.

— Ката! Ката!.. Побойся Бога! Свалиться ты хочешь туда, что-ли?..

раздался надъ нею дестревоженный голосъ сестры.

И было время! Наша фантазерка до того замечталась, что забыла действительность. У нея, отъ испареній огневаго колодца, начала кружить-

ей голова — и она чувствовала, как будто какой-то сила захватила ее и тащила в пламенную бездну. Голос сестры отрезывал ее. Она быстро оторвалась от стѣны колодца и отошла в сторону.

— Что ты, Христось съ тобой? Дурно тебѣ, Катя? охватила ее мать. Ты все поблѣдѣла.

— Нѣтъ. Это у меня голова такъ невозможно закружилась. Сейчас пройдетъ.

— Вотъ! Ты тоже, кажется, въ огнеспасенияхъ завысалась? засѣлся Сама. Не хочешь-ли тоже радостъ съ нами мѣсто занять? Она указала на храмъ, гдѣ все еще стояли неподвижно длинныя, черныя фигуры пиджковъ.

— Не города издору, Сама!

— Однако, кажется, пора и въ обратный путь? предсказилъ Малъевъ. Насмотрѣлись диковинокъ до усталости, — пора и отдохнуть.

На другой день Малъева выѣхали изъ Баку въ Тифлисъ. Первая станція дорога шла по голымъ неприхотнымъ степямъ. Мореозеро или просто лужъ блистало вокругъ, въ

ослѣдательныхъ лучахъ солнца. Вереницы морскихъ птицъ, лебедей, гавгавъ, ширококрылыхъ, обдоспѣвшихъ бабъ, съ зобами, набитыми рыбой, носились надъ ихъ головами. А кругомъ экипажа джигитовали, старались отличиться, конвойные татары.

— Это ужасъ какинъ у нихъ зѣбрскія лица! замѣтила Троицова, глядя на молодцевца шутки провожатыхъ, гарцовавшихъ лучше армянскихъ волтижеровъ на своихъ, съ виду не кажетыхъ, лошадей.

— Еще-бы! Когда это самъ отъявленные разбойники, съ улыбкой отвѣчалъ ей отецъ.

— Какъ такъ? Богъ съ тобой, Алексѣй Петровичъ! изумилась его жена. Что за шутки?

— Сосѣды же шутки! серьезно отвѣчалъ Малъевъ. Все эти люди не разъ попадались въ преступельныхъ. Но именно поэтому они составляютъ надежнѣйшій конвой. Подъ охраной главныхъ предводителей своихъ разбоевъ, мелкіе разбойники нѣсъ же вѣселятъ тронуть. И всегда проше шѣтныи власти давать имъ чашаровъ изъ самыхъ заправскихъ грабителей.

— Господи! Страхи какия! И что это за страна такая?.. Хоть-бы скорѣе Богъ далъ добраться до Тифлиса.

— Да подь Тифлисомъ-то, въ Елизаветовальскомъ уездѣ, самые дерзкіе разбойники и есть! Тамъ опаснѣй, чѣмъ здѣсь.

— Да не пугай, пожалуйста! измолвилась жена его.

— Я ничего не боюсь! угрохо капризнымъ голосомъ отозвалась Марья Алексѣевна, думая въ то-же время, что ничего не можетъ быть страшнѣе того, что творится теперь тамъ, за горами, въ разбойничьихъ вертевахъ беззаконныхъ горцевъ, которые осмѣливаются воевать съ ея мужемъ.

А Бата? О! Она тоже не боялась нападений, напротивъ!—Романтическая ея головка, наивенная Кавказскимъ издѣлишкомъ, Дерюжтошымъ и Росточиною, жетала объ опасностяхъ, о недостижимыхъ горахъ, о прелестахъ дѣвна въ поэтическихъ горныхъ дуглахъ. Ей мерещилась бѣшеная свачка за снойной Ажалать-бека или князи Казбича; затворничество въ башнѣ,

въ какомъ-нибудь заикѣ Тампы, тѣ-
нибудь на скалѣ, подь облыками, на-
стрѣли, пожары, героическіе подвиги,
стремительные потоки и закоулки—
ома! Спаситель! герой, рыцарь безъ
страха и украва,—лицо неопредѣлен-
ное, многочисленное, но тѣмъ не менѣе
заставлявшее грѣшно биться сердца
молодыхъ дѣвушекъ даво мигувшихъ
дней...

II.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

Красная набережная губернскаго
города Баку яро освѣщена вседневнѣе
солнцемъ. Оно играетъ въ морской
раби, отражается въ окнахъ большихъ,
двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ, вы-
тянувшихся въ стройную линію вдоль
порта, озлащаетъ зелень городского
сада, гдѣ раздается военная музыка,
куда свѣсивъ шарель, по случаю
праздника. Взморье въперешено со-
пками парусовъ, трубами пароходовъ
и баркасовъ, разукрашенныхъ цвѣт-
ными флагами. Сегодня Царскій день:
всѣ суда приодѣлись и массенная ста-

рая башня тоже высоко задернула свой флаг над холмомъ. Эта башня, — единственный почти остатокъ древняго города, теперь совсѣмъ незамѣтна; она отодвинулась на задній планъ и скрывается за кофійшики, щегольскими строениями, словно стыдясь своей ветхой наружности, избитой бурями многихъ вѣковъ. Насыпью широкой набережной далеко отогнала отъ нее волны Каспійскаго моря, которая, бывало, рокотали у самыхъ стѣнъ и плескались, разбиваясь о ея подножіе. Она, кажется, сама какъ-то осунулась, осѣла въ землю и угрюмо доживаетъ свой вѣкъ, никому теперь не нужная, старается спрятаться отъ невиданной и неслыханной въ прежнія времена людской суеты.

Михо вел, на все не глядя, проходить пестрымъ грунни незнакомаго льда; стучать невиданные экипажи; раздаются веселые голоса, которые толкуютъ о дѣлахъ и вещахъ, ей совсѣмъ незнакомыхъ. Ужь это не голоса полудикихъ чернокобочихъ, погонщиковъ верблюдовъ или арабчиковъ, прежнихъ представителей дѣятельности Бакинскаго порта: ихъ почти да-

же и не видно больше. А если и покажутся вереницы верблюдовъ, муловъ или двухъ-колесныхъ высокихъ пробы, то всё они тинутся въ другую сторону, — къ элинеу, гдѣ идетъ дѣятельная работа, гдѣ въ мастерскихъ трудятся сотни рукъ подъ присмотромъ, невиданныхъ прежде, заморскихъ инженеровъ-мастеровъ, гдѣ въ обширныхъ складахъ лежатъ тысячи бочекъ нефти и фотогену, а паровыя машины то и дѣло поднимаютъ для починки и спускаютъ обратно въ море приведенные въ порядокъ пароходы. Да! отжила ты свой вѣкъ, старая дѣвичья башня!... Прошло твоё время! Теперь никто и легенду о тебѣ слушать не захочетъ. Кому охота и время слушать побасенки, когда кругомъ столько насущнаго, сибирскаго, кинучаго дѣла?

На балконтѣ и въ залѣ одного изъ лучшихъ домовъ на набережной собралось общество, какъ видно, принадлежащее къ высшимъ сферамъ Баку. Хозяйка дома — старушка, высокаго роста, изъ разряда важныхъ и щепетильныхъ. По ея изысканному наряду замѣтно, однако, что она еще не желаетъ причислить себя къ от-

женихи свой гнѣвъ освобождать. На ней богатое сѣрое платье, сшитое по модѣ, высоко завитый шпильникъ гораздо темнѣе переднихъ волосъ ея, съ салепрой вросѣдью, и фаянзовъ съ голубыми бантами. Она цурась смотреть въ золотую лорнетку, и ея взматовое лицо носить выраженіе сарказма и личнаго недоумѣнія. Въ настоящую минуту она держитъ открытое письмо, переданнаго содержаніе его, паратифъ, другой вакилой даждѣ, весьма на нее похожей, только не такой высокой и съ несравненно болѣе прѣстаннымъ и добрымъ лицомъ. Эта дама одѣта въ скромное черное платье, а гладко зачесанные волосы ея покрываютъ черная-же, кружевная косинка. У другого конца балкона стоитъ королева дѣвушка, дочь хозяйки дома, Елена. Недурная собой, но чрезвычайное небрежно одѣтая въ черное платье, эта дѣвушка сразу привлекла вниманіе угловатыми рѣзкими манерами, громкимъ говоромъ, смѣхомъ и чересчуръ бойкимъ взглядомъ своихъ сѣдыхъ, сѣрыхъ глазъ, которыми она умѣла калѣ-то особенно рѣшительно вскидывать въ разговорѣ. Возлѣ нея слѣ-

дить меньшая ея сестра, четырнадцатилѣтняя Маша, — красавица, любимица матери, одѣтая какъ куколка, но только куколка хозяйки безвредной дочкой, потому что на ней часто дорогія платья разорваны, запачканы, надѣты впрямь и вкось.

Сестры застыли разглядываніемъ и пересмѣиваніемъ прохожихъ, гуляющихъ по набережной дамъ и дванцъ. Меньшая, пережевывая за обѣ щекъ кашу, дѣлаетъ критическія замѣчанія, которымъ старшая снисходительно улыбается, оглядывая всѣхъ и вся черезъ темныя стекла самаго простого ринсе-пезъ.

— Представь себѣ, Катя, клянъ Сергій собирается добровольцемъ въ Сербію! А?... какъ тебѣ правится такое сумасбродство?... прервала вдругь свое чтеніе величавая дама и съ негодованіемъ опустила письмо на колѣна.

— Ахъ! Боже мой! Бѣдная Наденька! соблазнувши отозвалась старушка въ черномъ платьѣ.

— Нѣтъ! ты только представь себѣ это сумасшествіе! Ни съ того, ни съ сего бросить молодую жену и вѣхать

драться съ этими варварами, словно кто его гонитъ! Будто это обязанность ка-кая!... Полоуміе!... Право, кажи съ ума походящая съ этими братьями-славянами. Мало у насъ своихъ бѣды! — въ крестовосцы пусталась; — скажите пожалуйста!...

— Чтожъ, Наденька и какъ она объ этомъ вышлетъ? Или пансионроскоу кажи

— Ахъ! что Нада? — Она ребенокъ!

— Мама! сестрѣ Надѣ двадцать восемь лѣтъ! замѣтила, оглянувшись на нихъ чертъ плече, Елена.

— Двадцать восемь?... Какія двадцать восемь? — Что ты, бредяны, что ли? крикливымъ голосомъ отозвалась ее мать.

— Я? Нѣтъ, я не брежу, а заявляю фактъ. Если мнѣ двадцать четыре, брату Павлу двадцать шесть, то старшей дочери нашихъ родителей должно быть по меньшей мѣрѣ двадцать восемь лѣтъ! Простая арифметика!

— И все ты знаешь! Тебѣ 22 года, двадцать третій, а ны погодни.

— Ой-ли? Впервые слышу!.. Мать! — не уলেখайся! — ивсѣмѣтливо угрозила маводая дѣвушка. — Стыдно скрывать года, маэра — 22, 1870-1871. —

— А забывать своихъ дѣтей— еще стыдѣе, чинная кѣну, неожиданно обратилась къ нимъ— мотыла дѣвочка: куда-жь ты дѣла покойнаго брата Алёшу? Хоть онь и умеръ, а все-жь-таки родился на свѣтъ и былъ моложе Нади.

— Молчи, дѣвочка! сердито крикнула разсерженная мамана. Много ты знаешь! Кажется, что хоть тебя-то тогда на свѣтъ не было.

— Дѣвочка громко расхохоталась.

— Такъ жеужели я ничего того и знать не могу, что было, когда меня на свѣтъ не было? дерзко сказала она, ни мало не смущаясь гнѣвомъ матери.

— *Laissez-moi en repos, je vous prie!* закричала та.

— Ого! ну, когда дѣло на французскій дѣлаеть пошло, съѣлась сказала старшая сестра, то я вижу. Молчу!

— Прекрасно дѣлаешь, сударыня.

— Безъ сомнѣнія. У насъ, мама, и по-руски-то ологикки мало, а ужъ какъ ни парле-фразсе— зато верите, такъ и соеѣмъ толку не добьешься.

— Девочка! съ горестнымъ уко-

ромъ поклонившуд старушка въ чер-
нонь.

— Что, тетушка?

— Оставь ее, Ката, врачно обер-
нулась къ сестрѣ великаяи дама,
такъ много—уши! — утеравши своего
величїа въ столкновенїяхъ съ невокор-
ными дочерьми и, быстро зіткнувъ се-
бѣ уши, ушла съ балкона въ комнату.

— Не грѣхъ-ли тебѣ такъ обращать-
ся съ матерью? замѣтила старушка.

— Чѣмъ-же я виновата, что моя
мать говоритъ несообразности? хлад-
порочно возразила ей племянница.

— Грѣшно, Лена! Грѣшно. Нехо-
рошо! И старушка последовала за
сестрой и не слыхала, какъ Маша со
сѣброю обернулась и, дергая Елену
за рукавъ, сказала:

— Ахъ! оставь ты, пожалуйста,
это ладное менсенте-ноги. Посмотрѣ-ка!
Вотъ, кажется, Матвѣй Ивановичъ къ
намъ ѣдетъ. Ну, ужъ теперь я непре-
мѣнно потребую, чтобъ онъ устроилъ
намъ шивеникъ на вѣчныхъ огняхъ!
Непремѣнно!..

— Дождайся! Магазиновая краса!
Да онъ скорѣе задавится, чѣмъ грошъ
изъ своихъ сундуковъ вынетъ.

— Ну, пять, небось! Кабы здесь Нада была, так раскочелелась-бы! А ты не ужьешь!.. Ухъ! Кабы мнѣ лѣтъ шестнадцать было!

— Что-жь-бы тогда?

— А то-жь, что я-бы живо его съ собой окрутила.

— Эка невидаль! Старый фатъ.

— Фатъ-то, такъ что-жь такое? Да пусть за меня хоть горилла посватается, да только-бы такая богатая, какъ Матвей Ивановичъ, такъ я выйду. А Кошкинъ даже очень красивъ, — хоть это все равно! Мнѣ что за дѣло до его лица? А чѣмъ старше богатый мужъ — тѣмъ лучше! Скорѣй свободна буду! практически разсуждала четырнадцатилѣтняя дѣвица.

Старшая сестра слушала ее снисходительно.

Не переставая оглядывать прохожихъ, она завертѣла головой и переклика:

— Вотъ для того-то, чтобы быть свободной, и печалью себя снѣзывать бравомъ, душа моя. Бракъ — крайняя ступень человѣческой глупости!

— Да, бракъ по любви, какъ вотъ Надежда Михайловна вышла замужъ, — крайняя глупость! И согласна, отыбчала Маша. Уже я такъ не выйду!.. По мнѣ замужество — афера, выгодная сдѣлка и больше ничего. А любовь сама по себѣ...

— Любовь, матушка моя, по моему, болѣзнь, которую надо лечить, какъ чирій. Отъ него животными любви не видють? Такия-же твари, какъ и мы, кажется, во всежъ протечеть? А любви они не знаютъ, потому что у нихъ желудокъ крѣче нашего, лучше варить. Вотъ и штъ у нихъ этого бреда отъ несакрениа желудка, именуемаго любовью.. Чего ты смѣешься?.. Право! Да еслибъ я когда-нибудь такъ рехнулся — я бы сейчасъ-же кастороваго масла призваа! Честное слово!..

Оставивъ пока этихъ дѣвцъ и поглядимъ, чѣмъ заняты скрившиася отъ нихъ въ комнату старушки.

Одна изъ нихъ, въ черномъ платьѣ, въ которой мы ужъ лучше съ разу признаемъ бывшую хитательщицу Катерину Алексѣевну Малѣву, тепе рь вдову полковника, убитаго въ послѣд-

нихъ сваталъ ипникъ войскъ съ Шамлемъ, усѣлся къ столу, за которымъ мужъ ея сестры, старый, заслуженный генералъ Троицковъ раскладываетъ письма, и проворно бранцаетъ синцами своего чулка. Другая — Марья Алексеевна, въ волненіи прохаживается по комнатѣ, горячо оспаривая каждое слово, произносимое ея супругомъ.

— Я говорю только, что со стороны Сергея это желаніе весьма непонятно, хладнокровно заявилъ генералъ. Онъ молодой, свободенъ, богатъ достаточно, чтобы не бояться путешествій и дерзавекъ. Почему-же ему не послужить честному дѣлу?.. Не онъ одинъ туда идетъ... Вотъ и Петруша...

— Не онъ одинъ въ Россіи дуракъ нашелся! сердито перебила его жена. Много они тамъ съ Петрушей помогутъ, воображаетъ! Нѣтъ же пошлѣ и обругаютъ и свои, и чужіе. Лучше бы сидѣли дома, да за порядкомъ смотрѣли, чѣмъ бросать семью и въ чужую драку мѣшаться.

— О моихъ синѣ, сестра, не говори, возразила Катерина Алексеевна.

считать!, вспыхнуть, разразилась было Марья Алексеевна. И славная головно-нойка уже готова была пасты на беззащитную голову генерала, как вдруг съ балкона ворвалась Маша съ крикомъ, что такіе-то законные попуты фхаты съ ними на баркасъ, море поджигать.

— Вотъ ужъ не по-према! Сосѣдъ шить охоты! буркнула недовольная генеральша.

— Зачѣмъ тебѣ фхаты? сказала, проходя черезъ залу, Елена. Оставайся. Мы съ Машей отлично и одніи съѣдимъ.

— Вотъ еще новости! Когда это я засть, дѣвчонокъ, одѣхъ выѣхаты пускала?.. Очень прилично!..

Сѣхъ обѣихъ сестеръ раздался за одной дверью, а въ другой показались двое молодыхъ людей и шарданная дама. Это были депутаты отъ всего общества, явившіеся просить Троиновыхъ на предполагаемую прогулку.

— Куда-же это? Далеко? разспрашивали гостей Катерина Алексеевна и генераль, пока хозяйка дожа отира-вилась одѣться.

— Нѣтъ за Бакумъ мнѣ только; версты двѣ, отъѣзжала гостыя. Тамъ очень сильныя струи нефти бьются изъ моря. Неужели вы никогда тамъ не были?

— Нѣтъ. Вѣдь я только проѣзжаю, въ гости къ у сестры; ѣду въ Россію. А когда въ молодости я здѣсь, съ войсками отъѣхъ и матерью, была, то объ этомъ еще почти и слышно не было. Вотъ на огняхъ я была.

— А сейчасъ Матвій Ивановичъ говорилъ, что устраиваетъ тамъ инквизикъ. Хотите завтра проѣхать къ нему.

— Да?.. Кто это такой Матвій Ивановичъ?

— Сестра! сестра! вспомнилъ старикъ Троиновъ, такой знаменитости не знаете?

— Матвій Ивановичъ Коленинъ, — богатъ здѣшній. Славный такой, веселый господинъ! объяснила дама.

— Будешь весель, какъ сотни тысячъ подрадаме накрадешь, сказала одинъ изъ молодыхъ людей.

— Ну! зачѣмъ такъ рѣзко?.. Онъ пріятный. У него всегда конфеты изъ Тифлиса, отъ Толле.

— О, да! это патентъ на доброту дѣвицъ и дамъ.

— Да; помню я, какъ Кокшенинъ прапорщикомъ прѣхалъ на Кавказъ, сказалъ Троиновъ. Было у него всего добра—черешневый чубукъ, да бисеромъ шитый крестъ, на пуговицѣ болтался. Ужасный охотникъ былъ стихи писать.

— Кокшенинъ!.. Кокшенинъ?.. Постойте, братцы! Гдѣ-то я знала... фамилія знакома!..

— Да какъ незнакома! согласилса, добродушно подмигнула, генераль; помните, ѣхалъ съ нами изъ Астрахани. Я-то изъ Дербентѣ вышелъ, а онъ съ нами далѣе поѣхалъ. Юный, совѣкъ, прапоръ!.. Еще все собирался Шахмалъ половить и его голову у нашихъ ногъ сложить. Помните, Катерина Алексѣевна?.. Старше-то грѣшны! Ухаживалъ за нами, ухаживалъ!.. Какъ-же!

— И! что вы, Семеновъ Ильичъ?.. Я тогда дѣвочка была. Такъ это онъ?—Слажите!..

— Вы—дѣвочка были! необдуманно вскричала молодая дама. Такъ сколько-жъ это ему лѣтъ?

— Да мнѣ сорокъ шестой, добро-
душно объяснила Катерина Алексеевна; а ему годовиковъ на восемь, на
десять поболь.

— Пятьдесятъ пять лѣтъ!.. А онъ
второй разъ жениться собирается!
искривила дана.

— Чужою? до восьмидесяти лѣтъ имѣ-
еть право: времени ему еще много,
скажи Троицковъ, раскладываи свой
паканисъ.

— Слышите, Мама, обратилась ста-
рушка къ сестрѣ своей, входившей въ
буфаетъ и шланкѣ: ототъ Кокнивъ
тотъ самый прапорщикъ, что
на „св. Николай“ стихи все читаль.
„Что пройдетъ—то будетъ мило“! по-
ишишь?..

— Какъ-же! я знаю. Мы съ нимъ
часто вепожижаемъ. Умный человекъ.
Какое состояніе сужель шланкѣ!..

— Хе! хе! хе!.. Умный, умный,
что говорить!.. подтверждаль ея су-
пругъ. Жаль только, что свои хлѣб-
ные заглавныя, бывало, за шелковичные
млоды принималъ: очень много чер-
вей разводилъ.

— Ну, иденте! Иденте! Вотъ и
барышни, зора!

— А вы, Катерина Алексеевна?

— И не поеду, Богъ съ нами!

— Отчего? Поѣдемъ! Какъ нашей дикозинки не посмотрѣть. Изъ Баку въ Россію придете, не падать, какъ горе горать.

— Да сестра не въ Россію: за-границу, въ Сербію пробирается. Хочетъ къ сыну своему въ госпиталь сестрой милосердія поступить. За равеніемъ его, да больными смотрѣть— видать ее генераль.

— Сынъ вашей тетуси докторъ? тихо спросила гостья Елену.

— Какъ-же! Пль ведоучивашеся... Поѣхалъ воевать съ басурманомъ, спасать гибнущее православіе! жемчужина была та.

Всѣ отразились на набережную.

Темнѣеть. Довольно свѣжій вѣтерокъ издвигаетъ сине-зеленныя волны Каспія, тамъ, въ открытой морѣ; но ближе къ берегу, за выступомъ сѣраго, выгорѣлаго клочка земли, нѣтъ такого волненія.

По случаю праздничнаго дня берегъ безлюденъ; только деревянныя вышки нефтяныхъ колодезей, словно

вѣтряныя мельницы бѣсъ врыль, уныло рисуются на ярко-разжевомъ зашадѣ, да два-три работника стоятъ, глядя на жаровой баркасъ, который, протяжно пыхтя и шипя, ловко лавируетъ въ иѣсолольдахъ саженахъ. Вокругъ него море все покрыто кругами бѣлой, маслянистой пѣны и пузырей: это бьютъ изъ глубины нефтяныя источники.

Вотъ все общество на баркасѣ приподнялось, съ любопытствомъ слѣди за дѣйствіями двухъ матросовъ. Одинъ изъ нихъ обрываетъ комки приоткрытой пакли, другой поджигаетъ ихъ и горючею жезвою ловко летитъ въ средину нефтяныхъ круговъ...

Взрывъ газа воспламеняется и поверхность моря горитъ съ двадцати мѣстахъ. Яркое пламя растеть, колеблется волнами, расходится, сливается, отражается въ темной глубинѣ, далеко окрашиваетъ поверхность моря. Баркасъ лавируетъ, перерѣзая осевъ въ разныхъ направленіяхъ; раздаются крики удивленія, страха, восторженныхъ восклицаній дѣтъ.

Зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, изумительно и прекрасно! Все общество,

кажется, много интересомъ минути... Все, кромѣ двухъ пожилыхъ женщинъ, двухъ матерей, вторыхъ даже оно не можетъ отвлечь отъ тяжелыхъ заботъ о дальнихъ ихъ дѣлахъ.

«Бѣда, если онъ оставитъ Надю, угрюмо думаетъ Марья Алексѣевна; уйдетъ на долго, а ее отпустить въ Парижъ, одну!.. Да какое одну? Когда-жь она одна бываетъ? Долго-ль до грѣха?... Ужъ они и то въ-за этого французика, прошлагодняго поклонника Нади, чуть-чуть не разошлись!.. А теперь и того хуже: сейчасъ она къ мужу охладѣла... „Надоѣлы“ шепчетъ. „Очень рада отъ его провождей избавиться...“ Охъ! бѣда. Чуетъ мое сердце—разойдется она съ княземъ! Тогда что?... Сидеть на шашу шашо, избалованная, требовательная!.. А тутъ еще эти дѣй. Елиза, того гляди, въ дѣлкахъ останется... а то еще и того хуже...»

Вдругъ лицо генеральши Троицкой осветилось улыбкой.

«Ну, за-то за Машурау и же боксы: воръ-дѣточка и красавица!.. Эта себѣ на ужъ сдѣласть партію!»

А Катерина Алексѣевна, эта блв-

ная мечтательница, во всю жизнь её отличалась от своих идеалиста, сидеть въ уголку баркасы, задумчиво глядеть на огненные волны, летящія поверхъ волнъ морскихъ, и мечтаетъ о сынѣ: о подвигахъ, которые Богъ ему дастъ свершить; о высокомъ назначеніи мѣдна, — этого земного спасителя и помощника страдающаго человечества; о томъ, какъ она будетъ счастлива, когда доберется до своего незагляднаго Цети и будетъ дешево и верно трудиться, помогать ему и его самого охранять своей заботой и молитвами...

Правду говорила генеральша о своей непрактичной фантазеркѣ-сестрѣ: „какова въ колыбельку, такъ она и въ могилку!“

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого большое общество, въ коляскахъ, фэтовкахъ и верхомъ, быстро пошло по дорогѣ въ Балахны. Волкъ этой татарской деревушки главные нефтяные колодцы; а за семь верстъ далѣе, въ Сураханахъ, мѣсто вѣчныхъ огней и хорошо памятное двумъ изъ нашихъ путешественницъ вѣщье недусовѣтливо. Понаѣхали случайной, пустою степью, онѣ вспомнили

огненный колодезь, и терная фигури-
нидусовъ, и ихъ оригинальное бого-
служеніе, уибренина, что увидить со-
годня повтореніе того, что такъ силь-
но поразило ихъ въ молодости. Мста
были ты-же, но теперь все было пол-
но парода, занатаго дѣятельной рабо-
той и, на много переть кругомъ, ну-
стынныя преждо стень была покрыта
постройками, бурными вышками, сара-
ями для складовъ и скалоченными изъ
бревенъ и досокъ жальницами служа-
щими на нефтяныхъ привесахъ. Жел-
юще вышли изъ земляней, чтобы по-
смотреть на работы. Среди множества
бараксовъ блистали озера нефти въ
десять разъ больше видимаго колоде-
то Малѣнными. Одно изъ нихъ было
такъ велико, что на берегу его на-
ходилась лодка, готовая къ услугамъ
любителей оригинальныхъ прогулокъ.
Безпрерывно открывались нефтя-
ныя фонтаны давали пищу этимъ
озерамъ — къ отчаяннѣю сетенъ нефте-
промышленниковъ, для которыхъ это
большой убытокъ. Нефть, открытая
воздуху и солнцу, теряетъ всю цѣну:
ить нея уже нельзя добыть самого
дорогого ея продукта — фоточена. —

Статный господинъ, дѣтъ сорокъ па-
видъ, — не болѣе, блѣднѣйшій, доволь-
но красной наружности, съ мяг-
кими, внушительными манерами, от-
купщикъ и нефтенпромышленникъ Ко-
шкинъ просматривалъ даже, все объясняя
имъ и всѣмъ очаровывая. Въ блескѣ
этого джентльмена всѣ остальные муж-
чины меркли и торопливо, не исклю-
чая одного изъ администраторовъ по-
еннаго званія, блиставшаго если не
рѣчами, то речами и важной осан-
кой, какъ и подобаетъ всѣмъ отстав-
нымъ поинтамъ. Чтожъ касаетел до
маленькаго, черненькаго князя Чини-
нова, изъ коима дѣшнаго, чтобы по-
дражать Вокшину, онъ казался его
обезьяной, — не болѣе.

Матей Назаровичъ понималъ тре-
бованія свѣта, а потому, какъ ни
трудно ему было оторваться отъ об-
щества молодыхъ женщинъ и дѣву-
шекъ, онъ предложилъ руку генераль-
шѣ Троицовой и водилъ ее чрезвы-
чайно бережно между колодцами и
фонтанами, почтительно останавлива-
ясь тамъ, гдѣ ей было угодно, и еще
почтительнѣе выслушивалъ ея рѣчи.

— Осмотрѣли работы въ пониыхъ бур-

ныхъ сазаживахъ; поднялись скоро-
сти, съ калой рабоче-добываютъ
нефть, опуская въ пробураленный
колодезь, на глубину иногда болѣе
чѣмъ пятидесяти саженой, желѣзную
желому (нѣчто въ родѣ джизвой тру-
бы, съ клапаномъ на нижнемъ концѣ)
и въ теченіе одной минуты, силой
пара, вытаскиваютъ ее обратно пол-
ную и выливаютъ изъ нея нефть въ
резервуаръ. Наводили зеркало въ тем-
ную глубину бронзоваго, сажаго ста-
раго колодезя, которому, говорятъ, есть
дѣтъ четыреста. Онъ не глубокъ: са-
женой пятнадцать. Въ зеркалѣ было
ясно видно, какъ сильно еще въ немъ
бурлитъ и клокочетъ нефть, словно
будто вода въ котлѣ кипитъ. А что
творится во время открытыхъ колоде-
зяхъ, — даже страшно смотрѣть! Не да-
рожь акціонеры бакинскихъ нефтяныхъ
прискомъ нѣчно тренещутъ, чтобы на
участкахъ ихъ не забыли фонтанъ въ
нѣсколько саженой вышины, какъ это
безпреривно и случается. Бываютъ та-
кія сильныя изверженія, что въ сутки
гибнетъ по нѣскольку сотъ тысячъ
пудовъ нефти.

Какъ извѣстно искомн, женщины —

созданія любознательныя. Велѣстѣе
такого общаго правила, дамы присут-
ствовавшія на *partie de plaisir* га-
лантнаго откупщика, изъявили жела-
ніе видѣть изверженіе фонтана. Въ
то время ихъ было два, но они оба
были закрыты привѣчными желѣз-
ными колпачками, которые отперывать
было довольно опасно. Тѣмъ не менѣе
Кокетинъ немедленно распорядился.

— Придется пожертвовать двумя-
тремя тысячами пудовою! шепнуть
ему князь Чиншовъ. Онъ былъ одинъ
изъ акціонеровъ участка, гдѣ былъ
фонтанъ, а расчетъ къ нему переори-
ентовалъ любовь.

За-то великолѣпный Матаѣй Пыно-
вичъ едва его удостоилъ покатіемъ
взвѣчь и улыбкой жалости.

— Пожалуйте, шедевр! пригла-
силъ онъ, открывая шествіе съ гене-
ральшей. Что за прелесть! дѣточка
ваша m-lie Marie! вполголоса сказалъ
онъ ей, глядя на шедшую впереди
меньшую Троннону.

— Она такая шалуныя! съ материн-
ской гордостью отбѣчала Марья Але-
ксѣевна, съ живымъ восторгомъ глядя
на разгорѣвшіеся щеки, блестящіе

глаза и распушенные белокурые волосы, разметанные вѣтромъ на подобіе сіянія вокругъ дѣйствительно прелестнаго личика будущей красавицы.

Не смотря на юные годы, она была окружена мужчинами и ни мало не стѣснялась ихъ обществомъ. Звонкій смѣхъ ея и голосъ раздавались безъ умолку. Старшая ея сестра далеко не пользовалась такимъ вниманіемъ, хотя имѣла репутацію замѣчательно умной дѣвушки. Произносъ ея иха, всѣ мужчинами и даже некоторыя женщины имѣли обыкновеніе къ нему прибавлять противное восклицаніе: О—о!..

— „Елена Владимірчича!— О—о!..“ говорили старые и молодые. Но тутъ же, съ этимъ многозначительнымъ О! на губахъ, переходили къ младшей Троицкой.....

Глядя на малюсочковъ окружавшихъ Елену, и на ихъ совѣтъ ненужное и неслѣдственное замѣчаніе, генеральша внутренно кипѣла и негодовала. Тѣмъ не менѣе она сошла себя обязанной замѣтить съ легкимъ вздохомъ:

— Да! хоть Мавѣ и пятнадцатый годъ, но она совѣтъ ребенка. Совершенный контрастъ Елены! хоть-би

она немного поинтересовалась у беднаго сѣрваго ума и знаній!..

— О—о! немедленно воскликнула въ отвѣтъ откупщикъ: *Видишь*? Клепа Ильинична—необыкновенная дѣвушка! У насъ, къ несчастію, мало такихъ развитыхъ женщинъ, какъ она!..

— Гдѣ это у насъ? Въ Баку, что ли? живо обернулась къ нему, испушталась, Мына. Кокшину показалось, что на глаза ему блеснула жемчужина,—такъ сверкнули ей темные глаза. Предполагаю, что рѣчь идетъ о Ленѣ, а потому, какъ добрая сестра, желаю убѣдиться въ вашей оцѣнкѣ ея необыкновеннаго развитія.

— Вы, кажется, одарены способностію всевидѣнія и всеслышанія, Марья Ильинична? возмущалась въ отвѣтъ ей пожилой селладонь.

— Да, я хорошо слышу и хорошо вижу то, что хочу видѣть и слышать!.. Но.. на все это, махнула она кругомъ рукою,—я право довольно насмотрѣлась. Надоѣли мнѣ ваши Балаханы! Когда-жъ мы на огни поѣдемъ?.. Эта нефть—ужасная гадость, такъ сперва пахнетъ!.. Это что такое?..

Этотъ вопросъ относился къ вод-

земному гулу и грохоту, вдруг издалихся недалеко от них.

— А! вот видите! И вы заинтересовались! воскликнула Бокшенинъ, не сводя съ них глазъ. Это шумъ газа. Онъ былъ сперть надъ землею, а теперь чуешь воздухъ и слышать вырваться на волю. Вотъ, вотъ!— смотрите!. Не успѣлъ онъ окончить фразу, какъ раздался шумъ оглушительный, и широкій столбъ дыма вырвался сложной на пять вверхъ и поднялся неудержимой струей. Желтое облако мельчайшихъ брызгъ стояло надъ колодеземъ, а у ногъ нашихъ путешественниковъ текла цѣлая рѣка густой желваковой нефти и стекала въ озеро, блиставшее на подобіе расплавленного янтара.

— Вотъ тоже расшумѣлся на свое горе, слыась, обратилась Елена къ молодому человеку, продолжая начатый ранѣе разговоръ. Вашъ протоптанъ, Иосефцкій.

— Почему-же на горе? радъ, что вырвался на волю, ну и брочить „ура“! отбѣчалъ тотъ. Это, напротивъ, сама природа подтверждаетъ, что я

говорили вамъ: отъ избытка чуются глаголы уста.

— Да! ну вотъ ихъ сейчасъ и слы- жуть желѣзомъ. Меньше-бы шумѣли, больше-бы оставались на свободѣ.

— Но въ шумѣ дѣло; не за шумъ слыютъ ихъ. Напротивъ, чѣмъ дол- же и крѣче слышаваетъ и слышатъ свободн вольную струю, тѣмъ съ большей силой и съ большими гро- момъ она вырвется наружу, — законъ природы!

— А законъ благоразумія не расто- чать излишнихъ словъ. Меньше гово- ритъ, а больше и рѣшительнѣе дѣй- ствовать.

— Слово пробиваетъ дорогу дѣй- ствіямъ.

— Пустая фраза! пасть грѣхъ об- щій въ томъ и заключается, что всѣ ваша энергія истрачивается въ однихъ словахъ.

Молодые люди говорили очень гром- ко, неважно вознижая голосъ, по- крышечный гулъ и шипѣнхъ фон- тана. Точно также громко, стараясь перекрывать шумъ вафги, говорили и въ другихъ грунцахъ; вслѣдствіе это- го, когда рабочіе неожиданно возво

забросили на шумливый фонтанъ, какъ лань молчанія, т. е. сразу зашиптали на немъ крышку, послѣдніи слова всѣхъ разговаривавшихъ заурчались какимъ-то рѣзкимъ крикомъ. Нѣкоторые сконфузленно переслушались, другіе расхохотались. Громче всѣхъ рассмѣялась Маша.

— Вотъ отличный способъ укрывать секреты! вскричала она. Матьица Ивановичъ! а-бы на вѣсехъ мѣстѣ велѣла-бы все время то открывать, то закрывать этотъ нескромный фонтанъ.

— Для вашего удовольствія а-бы радъ и всего его выпустить, m-lie Marie...

Солнце уже село, когда все общество снова развѣстало по знакамъ, чтобы ѣхать въ Сураханъ. Исполнивъ долгъ учтивости, галантный откупщикъ счелъ возможнымъ вознаградить себя, усѣвшись въ свою коляску, въ обществѣ двухъ молодыхъ женщинъ, и хорошенькой Машы Троиновой.

Ему все больше и больше казалось, что, говоря съ этой прелестной дѣвочкой, онъ самъ до такой степени молодѣетъ, что разница лѣтъ между

низи суда собой ужалывается и исчеснеть.

Самыя сѣбѣи мысли начинали волновать перешагнушаго за полѣтъ, все пережившаго старата зловста, въ отношеніи этого, еще не начинавшаго жить, ребенка. Мысли эти были возмутительны... но надо тѣмъ не менѣе сознаться, что еслибъ помышляемъ и расчеты ихъ обонхъ былъ писанъ пообличены и отданы на судъ людской и Божіей, врадъ-ли-бы помысли этой скороснѣлой дочери вѣка сего оказались болѣе достойны спсехожденія, нежели соображенія старата доволса...

— Ты что-же это? Опять съ этими ребятами усадешися, Елена? Да вѣдь это-же стыдъ! Что ты, въ самомъ дѣлѣ, въ гувернанткѣ въ нить заискала, что-ли? Возитса съ мальчишками, на сѣбѣхъ курамъ!

Это сардитое назиданіе сдержаннымъ тономъ было произнесено генеральшей старшей дочери, которую она на минуту отозвала отъ Лесневскаго и гихналвета.

— Вамъ-то чтожъ на дѣло? возразила ей Елена. Прантса мнѣ сидѣть

съ ними въ экипажѣ, а не съ адю-
томъ Чиниловымъ, каинтъ-нибудь,
пу и сажу! Коли курамъ смѣшно,
такъ и пусть смѣются!

— Послушай! Ты себя погубишь!..
Или по слѣдамъ своей притѣлницы
Блюхватовой захотѣлось тебѣ?..

— Это за-мужъ за мальчишку-то
выйти? расхохоталась Елена Плян-
панша.

— А что-жы! Она хоть тоже все
лекція читала, — разивала..

— Кого это ей было разивать?
Лучше-бъ самой было поразвиться!..
Не бойся, мать! Я такой глупости не
сдѣлаю, смѣлась, отбѣчала Елена, не
обищаясь!

— Ты—съ! Господи Боже мой!
воскликнула генеральша.

— Стыдись, Девочка! что ты гово-
ришь? вторила ей ужасу Катерина
Алексѣевна.

— Пожалуйте, мате пресоходни-
тельно! экипажи воданы, прервали
эту родственную бесѣду постороннія
лица.

Негодующимъ дамамъ пришлось
замолчать, Дарья Алексѣевна жет-
нула отчаянный взглядъ вслѣдъ

за дочерью и вознаградила себя, тѣмъ, что до всю дорогу действствовала своимъ спутникомъ, двумя пожилымъ сановникамъ изъ мѣстной администраціи, какъ несправедливо правительство отнеслось къ необычайнымъ заслугамъ ее супруга и какъ сама, Илья Петровичъ, непростительно равнодушна къ этой обидной и вопиющей несправедливости. Сочувственное поддѣвчаніе, самозванство и ихъ сокрушительное званіе головами совѣтъ уже было усвоено геве-рально, какъ вдругъ сестру ее дерзнуло неосторожно захѣтить, въ самомъ примирительномъ тонѣ, что „однакоже, положеніе Ильи Петровича весьма почетное и чинъ солидный, и орденовъ не мало“.

— Какихъ орденовъ? Какой чинъ? накинулась Марья Алексѣевна, вотъ еще новости!.. Что генераль-то? Эдакая новость!.. Кто у насъ не генераль?.. Есть чему радоваться!.. Я вѣдь не похожа на тебя, да и сестру Лелю я не могу за все благодарить, да вѣрный вѣкъ аквонети вѣтъ. Ты, вонъ, цѣлою осталась; за тридцати-пятилѣтнюю службу мужа 600 р. пенсін

получаешь—и очень довольна! А я бы утопилась, кажется, на твоем хѣстѣ. Да!.. А то есть у насъ еще меньшая сестра, Елена, обрѣталась она къ своимъ смущеннымъ спутницамъ; такъ та весь вѣкъ въ деревнѣ сидитъ, талитѣть и радуется, что мужъ ея въ отставкѣ, на кисломъ молокѣ проживаетъ. Я на насъ не похожа: я за своего мужа скорблю! И знаю его умъ, его заслуги. Если въ немъ есть недостатокъ, такъ это скромность излишняя... Онъ много черезъ нее потерялъ.

И въ такомъ духѣ генеральша ораторствовала все время переѣзда изъ Балахавокъ.

Въ другомъ экипажѣ ораторствовала также неутомимо Козининъ; но его краснорѣчье было въ другомъ родѣ. Онъ въ изданіе своихъ молодичь спутницамъ разливалъ свои взгляды на неизлечимый трудъ, на развитіе и самостоятельность современной женщины и вообще на женскій вопросъ, съ самой либеральной точки зрѣнія. Матвѣя Ивановна шелъ за вѣкомъ и даже не отставалъ (на словахъ, разумѣется!) отъ самыхъ передовыхъ

пропагандистовъ всѣхъ плей. Онъ былъ членомъ нонахъ четырехъ, существовавшихъ въ то время, [бакинскихъ] обществъ для пропаганды мѣстного образованія, не исключая и мусульманскаго. Онъ самъ былъ такъ возбужденъ счастьемъ и доволенъ собою, что благодущіе его распространялось широко и далеко. Вернувшись изъ послѣдней поездки въ Турцію, онъ даже поговаривалъ объ отъѣденіи въ Баку Общества покровительства животныхъ и не мало трогалъ этимъ сердца дѣвицъ и дамъ, видѣвшихъ, какъ близко къ работѣ колотять его же собственныхъ лошадей, съожившихъ тяжести на преставъ.

Не знаю, что думали объ искренности его краснорѣчія объ холодной дамѣ; но Маша Тронцова, сидѣвшая съ ними рядомъ, отвѣскась въ громкимъ фразамъ его очень скептически. Она мало принимала участія въ разговорѣ, думая совѣтъ о другомъ и въ тайнѣ рѣшить, что все это мучословіе и что сами они не вѣрять ни одному своему слову. По ней, правда и цѣль каждой толковой женщины совѣтъ не состояли въ практѣ на трудъ и умъ.

степенное различіе, равное мужскому. Она часто прерывала эту бесѣду, о матеріяхъ важныхъ съхотворивши замѣчанія, кончившии взглядами, заставлявшими Коккина пытаться въ словахъ и сбиваться съ толка, и разъ даже напрямикъ ему сказала, что онъ говорить все это жакъ-себѣ, а самъ-бы первый отвернулся отъ ученаго сниска чулка, будь она хоть сама изъ-деи во лбу.

— Попробуйте сдѣлаться ученой, Марья Плькиншна! пугливо отбѣжала ей отъушкикъ, вальзуясь наступившими сужеркани, чтобы показать своей софдѣй ручку. Попробуйте надѣть снискі чулки, и вы увидите, какъ я буду за вами ухаживать!

— Ва! Да жибъ для этого ихъ со-всѣмъ не надо, расхохотавшись, отбѣчала Маша. Ужъ за жной-то будутъ ухаживать не изъ-за снискі чулокъ, а это знаю!...

Одна изъ дамъ злорадно подтолкну-ла другую.

— Ну, вѣдь не у всѣхъ-же такіе снискі глаза, какъ у васъ! не удержи-жаль роли бѣдншій Матвѣй Названчъ.

— Такъ выходитъ, что знавія нуж-

ни только некрасивым? Вон оно ка-
мѣтала одна изъ дамъ.

— А какъ-бы вы думали? Разу-
мѣется! съ шонкиръ сѣдыхомъ отѣсти-
ла ей Мама. Я увиѣрала, что и весь
этотъ шумъ изъ-за женскихъ правъ
выдумали старикъ, некрасивая дама.

— Какой своеобразный взглядъ у
ш-Пе Миѣ! сказала дама покраснѣвъ.

— Взглядъ ребенка! вырвала серъ-
езно другая, не такая хорошенькая.

„Правда разговѣтъ устами младен-
цевъ!“ — една не сорвалось съ языка
Коханка, но онъ спохватился до-
прежн и только сказалъ, что въ годъ
Марьи Пльвиниши позволительно не
писать въ серьезные вопросы.

Мама продолжала шонко сѣяться
и шѣсто отѣста вдругъ закончила съ
шѣста и держась за руку своего со-
сѣда, обернулась вперед и вскричала:

— Это что тамъ за дворцы такіе?
Неужели это тѣткы надѣйцы выстро-
или соѣб такіе дома?

— Нѣтъ, не надѣйцы, а наши бога-
чи: Копорскъ, Мирзоевъ и другіе
нефтенромышленники, отѣчалъ Кох-
шикъ, крѣпко держа обѣими руками
прелестную ручку вонше локотка.

— А вы? Развѣ у васъ шитье?.. Это заводи вѣрно? да?..

— Да. Вотъ мы ихъ сейчасъ обойдемъ, посмотримъ, какъ гонять фотогенъ, а потомъ возжигнемъ адъер у управляющаго въ дождь.. Вы кушать хотите?

— Конечно, хочу. П. оченъ!.. А мороженое будетъ?

— Разумѣется! Какъ-же можно звать даму и дѣвцу на ужинъ безъ мороженнаго.

— Какая безцеремонность! тихо захѣтила дама постарше; но Маша ее утѣшала и, живо обернувшись, сказала сѣбѣ:

— А зачѣмъ мнѣ церемониться! Развѣ любить вкусно поѣсть грѣшно?.. Впрочемъ, вы, Нина Егоровна, вѣрно знаете и думаете.

— Это почему-же?

— А потому, что въ наше, прѣжнее время считалось стыдомъ—тетушка Катерина Алексѣевна мнѣ говорила—дѣвухѣ сознаться, что она бѣтъ и пьетъ. Прѣжнія дѣвцы на людяхъ всѣ пятались воздухомъ и любовью!.. Бѣднjackи!.. Слава Богу, что у нихъ были заботливыя мамушки и нянюш-

ки, которая изъ жареныхъ русой припекла, чтобы еще ихъ за широкими лезья могли!..

— Какіе вы пустяки говорите, м-де Троинов!

— Какіе-же пустяки? Сущую правду! продолжала Маша, садясь на свое мѣсто. Не только Татьяна тридцатыхъ годовъ, а даже воздвѣвшія барышни, — барышни кисейныя, стыдятся въ обществѣ кушать, боюсь, что мужей не найдутъ.

— А вы этого не боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь, потому что и искать не буду. Отецъ самъ меня найдетъ.. И непременно найдетъ въ то самое время, какъ я буду колбасу съ чеснокомъ поѣдать! расхохоталась она еще веселѣе. Матвій Ивановичъ! у насъ за ужиномъ будетъ колбаса съ чеснокомъ?... Колбаса и жареное — моя страсть!

Въ наступившей окончательно темнотѣ замелькали огни.

— Что это за ряды освѣщенныхъ оконъ? изумляясь въ это время въ другомъ экипажѣ генеральша Троинова съ сестрой. Сколько построекъ, Боже мой! Неужели это пустыня Сураха-

ны? Да гдѣ же капище индусовъ?...
Его и не видно!

— Капище? переспросилъ одинъ изъ
своиоениковъ. Онъ былъ туземецъ и
въ первый разъ слышалъ это слово.
Не знаю!.. Это что такое?..

— Капище—это храмъ янчическій,
подевать другой. Вы, вѣроятно, объ
огнепоклонникахъ извѣстите спраши-
вать, ише превосходительство.

— Да, о нихъ. Объ этомъ павильонѣ
ихъ, гдѣ они все стоять вокругъ
вѣчнаго огня вездоднивно, въ разныхъ
позахъ...

— О! этого давно ужъ нѣтъ, суда-
рина. Я здѣсь десять лѣтъ живу и
уже не насталь этого, а видѣлъ толь-
ко человекъ трехъ, этихъ, какъ ихъ?
индйцевъ, что-ли, что обѣдно-то свою
въ вельяхъ служатъ, да сахаръ раз-
даютъ, какъ просиру. Да и тѣ-то
еще, говорятъ, не настояще осве-
доклонники, а такъ, шарлатаны како-
то, нище... Лишь-бы имъ денегъ на
цѣлство выманить. Они тутъ и не
живутъ, а какъ ихъ нужно, такъ че-
резъ полицейскихъ приходится разы-
скивать въ городѣ, по духанамъ.

— Боже мой! какъ все измѣнилось!

горестно вскричала Катерина Алексеевна. Не стойте и идите на близкие огни!

— А-а, идти-ся! Чрезвычайно любопытно, возразили ей. Вотъ сами пожелайте увидѣть, какъ интересно посмотреть работы паровыхъ машин.

— Вотъ такъ! Паровыя машины, нефтяныя и фотогенныя заводы и фабрики-фабриканы вместо индусовъ-жрецовъ, священныхъ огней и огне-поклонниковъ!.. съ вздохомъ произнесла Катерина Алексеевна. Вся жизнь пропала!.. Существуетъ-ли храмъ, по крайней мѣрѣ? И огненный колодезь?

— Объ огненномъ колодезѣ не слышали; должно быть, онъ въ дѣло пошелъ, на согрѣваніе какихъ-нибудь паровиковъ; а же то погасъ, можетъ быть, истощився!.. а храмъ стоитъ, за постройками тамъ, онъ мало замѣтенъ.

Они бѣжали теперь между рядами прямо вымазанныхъ костровъ. Это суранинцы обжигали свою известку гашеньемъ, засыпавшимъ всю землю въ ихъ окрестностяхъ. Жители, старъ и малъ, обжигались смотреть профессію. Группы этихъ декарей съ смуглыми,

рѣзными лицами, въ очень эффектныхъ издали, разнообразныхъ дохмотѣхъ; бараньи шапки, надвинутыя надъ збы, бритныя головы; женскіе, дуглиныя глаза, желвавшіе у низкихъ входовъ въ подземныя сакли, картинно освѣщались, высокою, колеблющимся надъ грудами камней, пламенемъ. При этомъ фантастическомъ освѣщеніи, всё, казалось, помозодѣли и самая безобразная нищета и грязь казалась красивою. Вдали, за деревней, словно сказочныя дворцы, сіяли и горѣли залитые огнями, многооконныя, громадные заводы.

Съ заходомъ солнца стало такъ холодно, что всё съ удовольствіемъ вошли подъ кровъ высокаго, длиннаго зданія, подъ который безчисленное множество газовыхъ рѣзокъ и дна ряда печей, раскаленныхъ до бѣла, превратили ночь въ яркій полдень.

— Здѣсь перегоняютъ нефть, обязательно объяснилъ дамамъ очень толстый господинъ съ нѣмецкимъ выговоромъ, служащій при заводѣ ночь, видите, сверху, въ этихъ печахъ идѣлами перегонныя кубы. Въ нихъ нефть пахатывается особой паровой

машинной, которую мы сейчас будем видеть, изъ подземныхъ резервуаровъ; а изъ кубовъ фотогенъ самъ стекаетъ, вотъ по этимъ перегоннымъ трубамъ, въ другіе резервуары. Но не думайте, чтобы этимъ дѣло кончилось: настоящей обѣды, хорошей фотогенъ требуетъ еще много труда...

— Ach! mein Gott! Всевышній! шепнула Манна своей сосѣдкѣ; чтожъ, этотъ ильицкій человекъ лекцію, что-ли, намъ объ очисткѣ фотогена собрался читать?...

— Можно его окончательно чистить не въ этомъ зданіи, а въ другомъ, гдѣ тоже очень интересный аппаратъ, продолжалъ разговорчивый господинъ; но только мы туда не будемъ ходить.

— Почему-же? Развѣ это далеко?

— Oh! нѣтъ, это рука подать, близко; но весь воздухъ тамъ полный сильнымъ газомъ, который можетъ вспыхивать очень легко и потому тамъ можно ходить только днемъ, а огня туда никакъ невозможно приближать.

— Это такъ опасно, что еще недавно одинъ изъ служащихъ чуть не сгорѣлъ, объяснилъ Коклинъ. Онъ хотѣлъ захуреть папиреску и вышелъ

на пороги; но воздухъ тамъ до того пропитанъ сѣрною кислотой, что ему ослѣгло все лицо и едва успѣли потушить его всматкнувшее платье и волосы.

— Да, да! подтвердилъ заводчикъ. Броня и глаза ему совсѣмъ повортить. Очень опасно даже проходить тамъ близко съ огонь отъ ширинь...

— А Богъ съ нами совсѣмъ! Мы туда и не пойдемъ, хорошо согласилась дама. Что тамъ интереснаго?

— Ну, нѣтъ, положимъ—это очень интересно и мнѣ очень жаль, что я не увижу, сказала Елена Ильинична; но, разужѣтая, своей шкурой рискнуть не възъ чего...

— Господи, Лена, что у тебя за ужасныя выраженія! ужаснулась Марья Алексѣевна.

— А что? ужаснулась Лена. Я, кажется, ничего особеннаго не сказала.... Кто-жъ намъ велитъ не называть вещей ихъ именами?...

Мать благоразумно смолчала. Ей такъ хорошо было знакомъ безцеремонно-задорный нравъ старшей дочки, что сохизваться въ результатѣ даль-

нѣйшаго преврательства съ ней она не могла и беречь ее репутацію.

— А гдѣ-же, скажите, пожалуйста, храмъ огнепоклонниковъ? свѣтъ вспомнилъ Катерина Алексѣевна.

— А вотъ мы сейчасъ пойдемъ туда. Только не знаю, обратился Кокшнъ къ одному изъ администраторовъ: привели-ли огнепоклонника?

— Какъ? назвались на него Елена и Маша: откуда привели? развѣ они не здѣсь живутъ?... Что-жъ это вы, тети, намъ рассказывали?

— Прежде такъ было, душа моя. Теперь, говорятъ, ихъ совсемъ нѣтъ. Провала вся работа вѣчныхъ огней!

— Есть, чего жалѣть! пошутилъ Ясневскій.

— Оставьте мертвыхъ хоронить своихъ мертвыхъ! также тихо отозвалась Елена и прибавила громко: Объ этомъ, тетя, жалѣть нечего. Слава Богу, что эта сентиментальная дурь свой вѣкъ у насъ отжила.

— Да, согласился Матвій Назноничъ, всегда готовый переселиться, но обстоятельствомъ, изъ лагера въ лагерь: девизъ нашего времени — практичность и польза.

— Все прошло из двора из огнепоклонников или, лучше сказать, уголки прежнего широкого двора, в котором не осталось ни тѣни прежнего величія ни въ настоящемъ, ни въ переносномъ смыслѣ этого слова. Бѣлый навильонъ-колокольня, гдѣ прежде обжигали священный огонь идуся, въ нѣмомъ и неподвижномъ обожаннѣ, еще существовать, но онъ былъ теперь скрытъ за стѣной громаднаго завода и пусть. Единственный огнепоклонникъ-самоубийца, съ закрученной навъ лошадиный хвостъ черной гривой на лбу, въ изодранной солдатской шинели на голыхъ плечахъ, не стужалъ даже и представить своей комедіи порочно. Онъ стоялъ въ кельи у пустого престолика, не сохранившаго ни одной вещицы, кромѣ старенькаго колокольчика, изъ который онъ позвонилъ, что-то пробормоталъ, попотчиалъ всѣхъ леденцомъ, извѣтилъ котораго ему на тарелочку набросали серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, и тѣмъ кончилось все богослуженіе.

— Скажите, пожалуйста, неужели же всѣ прежніе огнепоклонники пе-

режерли? допрашивали старика наши дамы, которая никакъ не могла примириться съ новыми порядками вѣчныхъ огней, совершенно лишенихъ прежней дикой, своеобразной оригинальности. Или они ушли отсюда? Этотъ даже и не похожъ на индуса, просто адѣшскій татаринъ! Тѣ были совсѣмъ другіе люди... Куда они дѣвались?

— Большая часть пережерла, другіе ушли отсюда, когда изъ началъ тѣснить войска постройками. Они пришли битъ здѣсь хонезами и отсюда нахлынувшій народъ съ заступами да мачками, казался имъ, обзоръ бѣдетъ изъ боюстою, богохульствау-еть! объясняли имъ старожилы. 1877 И, помню послѣднихъ дней, сказаль отувицикъ. Съ ними случилась дурная исторія. Вы знаете, что до изъ понатіамъ пѣть загробнаго блаженства тому, кто по смерти не сожжеть... 1877 Ну, да, ну, да! веробила Катерина Алексѣевна: пахъ и тогда это говорили. Каждый изъ нихъ стремался вернуться въ лоно своего божества. Одинъ изъ жрецовъ даже бросил

живымъ въ огненный колодезь, чтобы заслужить вѣчное блаженство...

— Дураки! громозласно впрервала тетку Елена Ильинична. Мать только бросила на нее укоризненный взглядъ. Нѣкоторые засмѣялись, а Катерина Алексѣевна смолкла, мысленно перенесясь къ тому далекому времени, когда разсказъ объ этой жертвѣ фанатизма произвелъ на нее самое иное впечатлѣніе...

— Ну, что-жь дальше, Матей Ивановичъ?

— Дальше то, что два почтенныхъ представителя этой секты, оставшіеся еще здѣсь, въ одинъ прекрасный день жестоко погрызались, разбили другъ другу физиономіи до крови и поклялись не соизнать другъ друга послѣ смерти. Ну, вотъ, въ скорости одинъ изъ нихъ прихворнулъ и страшно перетрусилъ, что тѣло его останется не сожженнымъ, а вслѣдствіе этого погибнетъ и безсмертная душа... Да-съ. Такъ вотъ онъ и отправился въ Баку, заявить тамъ по начальству о своемъ горестномъ положеніи, и слезно просилъ, чтобы его

тѣло официально поджарили на священномъ кѣ огнѣ.

— Ну и что-жь? Указали его просьбу?

— Какъ-же! Съ величайшими торжествами. Что народу изъ города собижалось! Все приняли дѣятельнѣйшее участіе. Только никакъ не могли заставить шельму, его товарища, прочесть подобающія по нѣмъ обрядныя молитвы: ушелъ и нарочно пьянъ наваялся... Кавальи такъ!... при общемъ смѣхѣ заключилъ отъупицки. Ну, за то-же онъ и самъ былъ наказанъ: такъ, говорятъ, мучила его совесть и страхъ, что уже его-то самого никакъ не сожгутъ...

— Еще-бы! перебилъ его одинъ изъ старожилонъ: ему проходу не дали укорамъ да смѣхамъ.

— Одинъ ходилъ тутъ при полиціи былъ у насъ, шустрый такой, продолжалъ старожилъ, мучилъ его! Все рассказывалъ, какъ онъ послѣ смерти велѣлъ заборъ его выбросить и со всего города собакъ и свиней загонить его тѣломъ закусывать.

— Ахъ! несчастный! Вѣдь это безжалостно!

— Неужели его такъ и не соизли? послышалась восклицаніемъ.

— Да охъ нечеть отсюда. Плавствонать ужасно и воторъ пропалъ.

— Можетъ быть, вернузся къ Индію? замѣтила генеральша.

— О! нѣтъ, врадъ-ли... Вѣрнѣе, свилса и самъ надъ собою исполнитъ угрозу волцнейскаго.

— Ну, туда ему и дорога! со смѣхомъ рѣшила молодая.

— А какъ куда-же отсюдаона дорога? спросила Маша Троицкая оглянупуль всѣхъ своими бойкими глазами до того темно-синими, что они казались многимъ черными.

— А какъ?—прямо къ чаю, ужину и мороженому! смѣясь, заливилъ откупщикъ, восторженно глянувъ на дѣвочку.

Она, однакоже, хотя съ трудомъ, но отерлась отъ жезъ глаза и политично предожвила руку генеральшѣ.

Мисели обонхъ, пока они шли черель дворъ, къ помѣщенію управляющаго заводомъ, были странно схожи:

„И зачѣмъ она не старше!“ совмѣвно думали и мать и старый есаулонтъ.

Въ то-же время Елена подошла къ

схватившейся сестры и, взявъ ее под руку, шутливо прошептала:

— Машка! Ты безсовестно роженичишься!.. Ты согласишься съ ума сведешь этого старикашку.

Мама звонко расхохоталась.

— Что-жь такое? На здоренья!.. Через годик-другой, может быть, и найду за него замужь... если не подвернется другой, побогаче...

Уны, уны, вѣчнымъ огнемъ, такъ свѣтло озаряющимъ своимъ женнымъ сіяніемъ вѣчную людскую пошлость, вѣчная коррозія и синодуретво.

В. Желтосельская.

1879 г. 11 октября.

14935724
2003070910

27 2 44

27